

Сергей Терещук

Кофе с корицей

Сергей Терещук

Кофе с корицей. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63015861

ISBN 9785005165947

Аннотация

Молодой человек в погоне за своей мечтой детства покупает старую «Волгу» ГАЗ-21. И тратит на это все накопленные семейные деньги. Возмездие за легкомысленный поступок не заставляет себя долго ждать. Угрызения совести – это цветочки, по сравнению с сюрпризами, ожидающими нашего героя. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая. Поехали	5
Нулевая отметка. 0 часов. 0 километров	5
2 часа. 60 километров	18
13 часов. 60 километров	45
26 часов. 120 километров	62
32 часа. 120 километров	70
34 часа. 200 километров	74
39 часов. 270 километров	102
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Кофе с корицей

Роман

Сергей Терещук

Редактор Мария Ворсанова

Редактор Юрий Фридштейн

© Сергей Терещук, 2020

ISBN 978-5-0051-6594-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Поехали

Нулевая отметка. 0 часов. 0 километров

Я отдал все деньги, что у меня были. Все мои, да что я говорю? Все семейные сбережения. Все до копейки. Все, что накопила наша семья за пару лет совместной жизни. И вот я все отдал совершенно незнакомому человеку. И знаете, что? Я сделал это без всяких раздумий и угрызений совести. Потому что отдал я их вот за эту красавицу. А она стоит того. Она стоит даже больше. Больше всяких там денег. И я не смог удержаться. Мое желание было сильнее рассудка. Выше всех моих сил...

И вот она стоит передо мной, ослепляя своими влажными округлыми боками цвета слоновой кости. Она приняла душ, чтобы предстать передо мной во всей своей красе.

Я смотрю на нее и не верю своим глазам. Только в самых сумасшедших снах я видел этот миг. И вот мечта обрела формы и стала совершенно осязаема. Я могу дотронуться до нее. Потому что она моя. И случилось это отнюдь не вдруг. Не как снег на голову. Мой поступок не был спонтанным. Он был обдуман со всех сторон, холодным рассуд-

ком. Но, в тоже время, шел от сердца. Сколько бессонных ночей я провел в мучительных раздумьях и попытках утихомирить свою страсть. Сколько сил потратил на борьбу с безудержными фантазиями и грезами родом из детства. Сколько времени я провел у окна, разглядывая тихо спящие припаркованные у дома автомобили. Сколько стаканов воды было выпито, пока я мечтательно смотрел на звезды, чтобы затушить эту жажду обладания.

И вот когда все чувства и порывы были уничтожены, включился холодный расчет. Теперь мы стоим друг напротив друга, замерев в предвкушении блаженства взаимного обладания. Она принадлежит мне, а я ей. Безраздельно. Никто не сможет разрушить эту связь. Никому не удастся проникнуть в ее суть. Потому что это будет нашей тайной.

Почему именно она? Все просто. Любовь с первого взгляда. Мечта детства. Как-то ночью мы возвращались домой. Папа заказал такси. И приехало вот такое чудо.

– Мне нужна такая мафина! – сказал я маме.

– Нужна, значит, будет! – мама погладила меня по голове.

– Када?

– Вот заработаешь и купишь, – она улыбалась своей обжигающей улыбкой.

– А када?

– Когда подрастешь! Даже лучше купишь!

– Я не хочу лучше! Я хочу такую!

...Наверно, в тот миг от нахлынувших впечатлений во мне

соединились все любви, какие только существуют на свете. К маме, к папе, к жизни... И автомобиль стал олицетворением этих чувств. Мне казалось, что, будь у меня эта машина, время притормозило навсегда. И мы остались в нем такие же молодые и беззаботные. Как бабочки в янтаре. А с годами это ощущение становилось все сильнее и сильнее...

Счетчик исполнял колыбельную, отсчитывая километры. Кожаный диван мягко покачивал меня в своих объятиях. Я, свернувшись калачиком, лежал на коленях у мамы и вдыхал запах тепла, бензина и ночной дороги. Знакомый с детства запах такси. Сколько раз, будучи уже взрослым человеком, я пытался найти нечто подобное. Хоть издали напоминающее те самые детские переживания. Но тщетно. Это был первый объект моей юношеской страсти, и ничто не могло затмить его.

– Забыл вам сказать! – из гаража вышел пожилой мужчина, прежний обладатель моей прелести. – Там ручка скорости отстреливает назад и влево. Когда газуете. Так что будьте осторожны. Чего не делал, починить не получилось.

– Спасибо! Я знаю! Вы мне говорили.

– Правда? Не помню. Ну, желаю вам всего хорошего. Поздравляю с покупкой!

Он протянул мне шершавую ладонь. Мы пожали друг другу руки. Мужчина достал сигареты без фильтра.

– Курите?

– Нет! Бросил.

– Бесплезно! Я столько раз пытался...

Меня начала немного напрягать его словоохотливость. Неужели он в сотый раз, опять расскажет про все свои попытки бросить вредную привычку.

– Да, вы рассказывали

– Правда? Хм! Вот память! Болтаю, болтаю! А с кем и о чем – уже и не помню! Это все сигареты проклятые. Жена говорит: сходи, проверься...

– Да!

Мужчина затянулся и тут же закашлялся.

– Вот теперь займись своим здоровьем. Ну, удачи вам! Звоните, если что!

– Спасибо еще раз... Непременно позвоню...

– А машинка-то с норовом...

– Предупреждали... Уже...

– Все, ухожу! Ухожу! Прощайте. И ты прощай, бестия цвета слоновой кости. Сколько же ты мне крови испортила...

Он повернулся ко мне. Глаза его были полны слез.

– Она прекрасная... Просто силы у меня уже не те. Здоровья не хватает ухаживать за ней. Стоит в гараже. Жалко...

Он провел рукой по округлому гладкому боку «Волги ГАЗ-21».

– Ну, бывай, красотка!

Обратился ко мне.

– Уезжайте, пока я не передумал.

В его голосе промелькнула угроза.

Мало ли что там у него в душе сейчас происходит. Еще, чего доброго, и правда передумает. Надо уносить все четыре колеса.

Я открыл дверь. Устроился на переднем диване. Провернул ключ в стартере. Мотор приветливо заурчал. Запах моей мечты окутал меня и наполнил мои легкие. Еще раз проверил бумаги в кармане куртки. Полчаса назад там лежали деньги. Теперь – договор купли продажи и документы на машину. Сомнений не было. Этот автомобиль теперь мой. Мой! Мой!

В зеркале заднего вида мужчина грустно пылил по дорожке между гаражами. Его сторбленная спина и шаркающая походка не внушали оптимизма. Надо было поскорее уезжать отсюда.

Покрышки захрустели по гравию. Я увозил свою красавицу к себе домой.

Прохладный пожелтевший руль радовал руки своей пластиковой твердостью. Никакой инфантильной мягкости, присущей современным экземплярам. Никаких заискивающих кнопочек и подсветочек. Аскетизм и брутальность. Три спицы, уходящие т-образно от рулевой колонки, и стальное кольцо звукового сигнала, создающее среднюю орбиту на рулевом колесе. Управление тугое. Но зато ты чувствуешь, что у тебя в руках. Тут и правда нужна сила, чтобы управлять этой грациозной девушкой. Нет этой невнятной податливости нынешних авто. Услужливости. Если хотите повернуть,

будьте добры быть настойчивее. Еще настойчивее! И увереннее в своих движениях.

Выезжаем из ворот гаражного кооператива. Наконец-то дорога. Я чувствую, как стучат от счастья клапана моего сердца. Ладони становятся влажными от возбуждения. Захватывает дух, словно я лечу. Но я еду. Я еду на своем собственном автомобиле. На своей «Волге» 1968 года рождения. Не знаю почему, но именно этот год производства сыграл решающую роль. Было пару машин и помоложе. Но я выбрал именно эту. Нет. Не так! Мы выбрали друг друга.

А еще, это очень редкая комплектация. Экспортная. Так мне сказали. Тут скорости переключаются не как у всех «Волг», на руле. Тут ручка находится у правой ноги. Она украшена прозрачным многоугольным набалдашником. Искусственный бриллиант размером с кулак. С застывшей розой внутри. Нажимаю газ. Пустая дорога вдоль промзоны. Почему бы и нет!

– Эх, прокачу! – восклицаю я.

И в следующий момент вскрикиваю от боли. Ускорение выбивает передачу, и металлическая трость отстреливает мне в колено граненым стеклом. Я бью по тормозам, заывая нечленораздельным матом. Меня же предупреждали. Несколько раз. Наверно, я в этот момент отлучался полетать в облаках. Безответственность и безалаберность. Так ласково про меня говорит моя жена. И еще добавляет:

– Ведерко с лопаткой, песок в сандалиях!

Я останавливаюсь у обочины и выхожу из машины.

Этот удар отрезвил меня. Привел в чувства. Точнее, вылил на меня ушат вины. Колено саднит, но я хватаюсь за голову. Как? Как я мог такое сделать? Спустить весь семейный НЗ! Это недоразумение! Непростительная несознательность... Надо мчаться к этому мужику!.. Чушь! Какой ненормальный вернет деньги? Но он же не хотел с ней расставаться!.. Да что со мной, в самом деле? Как я мог!

Я достаю мобильный телефон и набираю номер. Долгие гудки.

– Да! – женский голос.

– Простите! А могу я поговорить с Григорием?

– Нет!

– Я не туда попал?

– Попали туда. Только поговорить вы с ним не сможете?

– Почему?

– Потому что он лыка не вяжет. Напился на радостях от горя!

– Так быстро?..

– Долго ли в таком-то возрасте и с его здоровьем... Что вы хотели? Машину вернуть?

Это было еще одно ведро холодной воды. Организм насто-рожился не независимо от меня. Какая-то нездоровая кутерьма затевалась вокруг. Наверное, мне следовало почувствовать неладное? Но нет! Я, как всегда, спасовал.

– С чего вы взяли? – проямлил я, имея в виду: «Как вы

догадались?».

– Случалось уже такое... Два раза. – Женщина была на взводе. – Только вот что я вам скажу. Не выйдет у вас ничего! Через мой труп! Не машина, а наказание какое-то! С милицией приходите. В суд идите. А за здорово живешь я вам деньги не отдам!

– Да я... просто... просто...

Увиденное, как удар под дых, сбило мне дыхание и заставило сердце биться учащенно в горле. Передо мной на дороге зиял раскрытый люк. Из него на тридцать сантиметров торчало бревно. Во время телефонного разговора у меня есть привычка бродить. Вот и сейчас я прошелся вперед. И увидел такой «сюрприз». Оглянулся на машину. Она смотрела на меня слепыми выключенными фарами. А сумерки скрыли опасность от моих глаз. Сделали ее почти невидимой. Это что же получается? Находясь в эйфории обладания, я забыл о безопасности. Не включил ближний свет. И если бы не этот удар в ногу. Где бы я сейчас был? На больничной койке! В лучшем случае!

– Что вы замолчали? – женщина продолжала кричать в трубку.

– Молчу?.. Безответственный и безалаберный криворук. – Я опустил на бордюрный камень.

– Что? Это вы о ком?

– Это я о себе. Вы не знаете, почему я такой... такой рукожоп? – злоба на самого себя сдавливала горло.

– С вами там все в порядке? Алло! Молодой человек...

Может, скорую?

– МЧС... вызовите!

– Какое МеЧеэС?

– Тут надо люк закрыть...

Я дал отбой. Встал с холодного камня и поплелся к машине. Я знал, что как минимум семь миллиардов человек на планете Земля вернули бы деньги и еще получили бы компенсацию за ущерб... как его... ну, который не материальный. Моральный... Но я в их число не входил.

Надо было ехать домой, а по дороге придумать, как преподнести супруге известие, что я сегодня выбросил на дорогу:

1. ее норковую шубу,

2. ее новый горнолыжный комбез с комплектом наикрутейших и наидорогущих горных лыж и ботинок

3. ее зимнюю поездку на горнолыжный курорт

4. ее летнюю поездку на райские острова

Не считая всякой сопутствующей мелочи.

Пружины жалобно заскрипели подо мной. Дверь захлопнулась тяжелым железом. Первым делом надо включить свет. Щелчок рукоятки. Бешено заходили дворники, издевательски повторяя со скрипом:

– Не то, не то, не то...

Щелчок другого переключателя заставил явиться во всей красе торчащее из земли бревно в десяти метрах от маши-

ны. Вот это был бы номер! Купить автомобиль и тут же его раскокать. Я думаю, не многие могут позволить себе такой аттракцион. Было бы что вспомнить в момент казни на кухонном столе посредством скалки.

«Волга» вздрогнула всем телом. Отряхнулась. Сбросила все дурные мысли. Медленно объехала препятствие. Предоставила мне возможность плюнуть в открытый люк. И покатила нас навстречу судьбе. Первое совместное испытание мы преодолели, оставшись целыми и невредимыми. Если не считать моей коленки. Первая щепотка соли из предполагаемого пуда была съедена.

Крадучись вдоль бровки под ироничные сигналы обгоняющих машин, я ехал, раздумывая о нашем будущем. По всей видимости, он не было безоблачным. Чтобы отвлечься от тяжелых раздумий, включил радио. По всем программам передавали одно и то же. Хрипение и шипение. Внутри приемника расплодилось страшные рептилии. Нужно заняться их изгнанием, дабы открыть простор для современных радиоволн. Но это когда будут свободны обе руки, машина будет надежно припаркована и в округе не будет нервных прохожих. А пока крепко держаться за баранку и внимательно смотреть за дорогой.

Не имея никакой поддержки со стороны ввиду неработающего приемника, пришлось оказывать первую психологическую помощь самому себе.

– В конце концов, до зимы еще далеко. Может случиться

всякое. Мода на шубы, например, пройдет... Или их вообще запретят. А что касается лета, то на ближайшее мы не планировали отдыхать. Тетя моей гостеприимной жены собралась приехать полным семейством напрямиком из Якутии на все три месяца. Поправить свое здоровье у местных шаманов. Тамошние целители ей уже не помогают. Вот приедут они и будут развлекать друг друга всякими снадобьями. А мы будем предоставлены сами себе и займемся наведением марафета. Моя красавица. Моя умница. Моя хорошая.

Так разговаривая вслух, я совершенно инстинктивно погладил руль, и приятная гладкость перенесла меня на тридцать с гаком лет назад. И вот я, четырехлетний мальчишка, сижу на заднем сидении дедушкиного авто и показываю нос обгоняемым машинам. Дедушка был лихачом. Дождь, снег, узкие серпантины – ничто не могло его заставить сбросить газ. Даже бабушка, сидящая рядом и умоляющая: «Ну, Коленька, ну, пожалуйста! Осторожнее! Ведь у нас внучек в машине! Ой, мамочки...!»

Дед подмигивал мне в зеркало заднего вида и давил на гашетку. Бабуля хваталась одной рукой за сердце, другой за ручку над дверью и прикусывала губу от страха. Тишину нарушал только неистовый рев мотора и тихий шепот деда:

– Ну, давай, моя хорошая! Давай! Немного осталось! Ты сможешь! Давай, милая!

И старенький «Москвич» 403-й модели медленно карабкался в гору по раскаленному асфальту, преодолевая горный

перевал. Мы ехали на моря. Пока мои родители обливались потом в плацкартных вагонах без кондиционера в тридцатиградусную жару, дед, наплевав на все трудности, решил прокатить меня с бабушкой с ветерком. И показать красоты необъятной родины.

На общем семейном совете, единодушно, моим дедом было принято решение именно таким вот образом добраться до Черного моря. И насладиться диким семейным отдыхом.

– Ты ж, моя красавица! Ты такая же, как «Волга», только чуточку поменьше! – приговаривал деда, глядя вслед обгоняющим «ГАЗ 21». И тоже поглаживал по рулю. Быть может, от него мне передалась привычка разговаривать с машиной. Какой-то там ген или хромосом, отвечающий за первобытную связь с магическим артефактом, созданным человеческими руками.

Он так и остался в моей памяти – дедом за рулем старенького «Москвича». Дедом, который щекотал меня своей щетиной. Дедом, который подмигивал мне в зеркало заднего вида и крепко обнимал бабушку правой рукой.

Все эти мысли и воспоминания меня отвлекли и успокоили, так что я не заметил, как вкатил во двор дома. Уже совсем уравновешенный и смело смотрящий в светлое будущее. В свете фар, через лобовое стекло собственного автомобиля, оно представлялось очень даже радужным. Почти... Присутствовал нюанс в виде жены. Но, в конце-то концов, мужик я или нет? Других аргументов у меня не было...

Я не стал прятаться. В открытую припарковался на свободное место. Гордо вышел из машины. С вызовом захлопнул дверь. И поднял голову. Вдруг она стоит на балконе со своим верным другом телефоном. Это был бы выход. Поставить, так сказать, перед фактом... Но на балконе было пусто... И слава богу. Я набрал воздух полной грудью, но вдох получился куцый. Сбивчивый и неуверенный. Выдохнув, попытался вдохнуть еще раз... Но получилось еще хуже. В легких столкнулись предыдущий вдох и нынешний. Заколело в правом подреберье. Диафрагма встала колом. Проклятая невралгия. Две минуты назад готов был дуть в горн, бить в барабан и размахивать флагом с девизом «По фигу». Один неудачный вдох обломал всю малину.

Закрыв дверь «Волги» на ключ, я пошел к подъезду. Перед тем, как войти под козырек, взглянул еще раз наверх. Милены там не было, а значит, меня не застукали на месте преступления, и я мог отложить свое признание до лучших времен.

Суд откладывается, граждане присяжные заседатели. Подсудимый идет менять подгузники.

2 часа. 60 километров

Лифт очень быстро доставил меня на двенадцатый этаж. Предатель. Так быстро, как никогда. И никто не подсел. И никто больше его не вызвал. Все как сговорились. Предатели. Я даже не успел прийти в себя. Не успел перевести дыхание, а уже двери кабинки распахнулись, приглашая меня пройти в тихую, уютную, маленькую, семейную однокомнатную пыточную. То есть, простите, квартиру. Что там дыхание! С мыслями не успел собраться. Всегда все самое главное оставляешь на потом. Вредная привычка слабохарактерного человека. Всякий раз намереваешься принять решение в лифте или додумать важную мысль... И вот на тебе! Уже двенадцатый этаж. А в голове, кроме «Здравствуй, милая, я инфантильный идиот!» – ничего. Не кататься же вверх-вниз, пока не придет что-нибудь более оригинальное.

Прижимаю ухо к двери, дабы понять, что там вообще происходит. Если Милена общается по телефону, то у меня есть шанс остаться незамеченным до конца разговора. Или разговоров.

Ничего не слышно. Принимаю решение снять туфли на лестничной площадке, чтобы не шуметь в коридоре. Стараясь не привлекать внимания, я проскальзываю в дверь, подражая легкому сквозняку... Прислушиваюсь. О, счастье, она на кухне очень занята. Беседует по мобильнику. Я осто-

рожно выглядываю из-за угла, через узкий коридор стандартной планировки. Там, в конце туннеля, крохотное помещение для приготовления и принятия пищи. Принимаюсь! О, боги очага и вертела. Какой запах! Желудочный сок бьет мне в голову. Голод парализует все инстинкты самосохранения. Надо отдать должное моей супруге, готовит она отменно. И всякий раз изобретает нечто невообразимое. Очень вкусное и необычное. Это ее хобби и заодно работа. Да! У нее свой собственный кулинарный блог. Все, что она зарабатывает, уходит на еду, одежду, квартиру и прочие приятные мелочи. А все, что зарабатываю я, откладывается на глобальные, стратегические, жизнеопределяющие вещи – пятизвездочный туризм, шуба и – в дальнейшем – квартира. Милена решила держаться подальше от этого финансового соблазна. Не доверяя самой себе, она придумала, что накопителем и сберегателем, а также приумножателем семейных ценностей буду я. Поэтому деньги хранятся у меня... В смысле, хранились... Никто из нас не мог предположить, что я способен на такую выходку. Все свято верили, а главное, я сам тоже – деньги на моем счете будут как в швейцарском банке. А вышло все совсем иначе... Ну, вы уже знаете!

А сейчас моя супруга, ничего не подозревая, сидит себе на кухне в своем розовом спортивном костюме, поджав одну ногу под себя, а другую согнув в коленке, и делает педикюр, придавив телефон плечом к уху. Ее поза похожа на сломанного пополам фламинго или на боевую стойку паука.

Не подумайте ничего плохого, говорю я это, искренне любя свою жену. Всегда поражался ее способности так угнездиться на табурете. У меня затекает весь организм через две минуты, если я просто прижимаю мобильник плечом, а она может говорить часами. Удивительное дело. Хотя после того, что отчебучил сегодня я, меня уже ничто не может удивить.

– Я узнаю у своего... – говорит она вкрадчиво.

У меня перехватывает дыхание. И вы не подумайте, что я нафантазировал и накрутил себя. Нет! Тихий нрав моей жены очень обманчив. Она никогда не повышает голос. Всегда говорит, словно стелет пух. А когда мы с ней расходимся во мнениях или ругаемся, она становится еще тише, а голос еще ниже, даже с какой-то хрипотцой. Это даже руганью нельзя назвать. Что за скандал, если мне приходится напрягать слух, дабы расслышать высказанные претензии? Меня это всегда бесило и в то же время обезоруживало. Получалось, повод вроде бы и есть, а энергии взять неоткуда. Вот и выходила моя Милена всегда победителем, а я какой-то кашей-малашей недоваренной, без сахара и соли. Никогда не любил я наши с ней выяснения-объяснения. Не любил и опасался. А тут еще это «Я узнаю у своего...» О чем? Что именно она хочет узнать?

Надо уже наконец сменить точку дислокации. В детстве мне нравилось играть в прятки. И на собственном опыте я убедился: если не хочешь быть обнаруженным, нужно почаще менять места схрона. А я тут уж слишком застоял-

ся. Всего-то два шага, и, проскочив дверной проем, окажусь в комнате. Там смогу оставаться незамеченным еще некоторое время.

Однако все мои органы движения до сих пор парализованы пленяющим запахом с кухни. Все-таки она паучиха. Красивая, розовая, пушистая, бесшумная, беспощадная, стремительная и, подчеркну, любимая. Своими блюдами лишает меня всякой воли. Опутывает своими ласковыми сетями. И.. хотел сказать пьет мои силы. . . Но ничего она не пьет и не тянет из меня. Я сам все отдаю, с удовольствием запутавшись в ее теплой паутине. Мирно болтаясь мотыльком на тонких нитях семейного счастья.

Делаю над собой невероятные усилия, чтобы сбросить оковы. Еще раз выглядываю из-за угла. Он сидит все так же, проделывая все то же. Время для нее не существенно. Или она повелевает его ходом? Я делаю шаг Другой. Третий. Мне остается вынести из проема только мою ногу.

– Милый? Ты меня не поцелуешь?

Как Милена меня заметила? Она сидела ко мне почти что спиной. Наверно, я случайно задел одну из незримых нитей ее паутины.

– Я хотел портфель оставить... Любимая.

– Наташа передает тебе привет.

– Спасибо! И ей тоже, – кричу я из комнаты. Кто такая эта Наташа, я не знаю. Наверняка одна из ее многочисленных подписчиц, которые считаю себя членом нашей семьи. Зво-

нят в любое время дня и ночи. Консультируются, какой ложкой лучше всего перемешать салат из одуванчиков и травы сныть.

Я стою посреди комнаты, ожидая, как будут разворачиваться события. Как будто это не меня касается. Я вообще тут случайно. Застигнутый на месте преступления. Воришка, стянувший деньги из семейного бюджета.

Ничего не происходит. Потолок не рухнет на мою голову. Меня не вяжут полицейские. Милена остается сидеть на кухне.

– Милый, ты голоден?

Она спрашивает это так, что моя поджелудочная начинает работать в усиленном режиме. Становится жарко в животе. Я готов сдаться. Бежать на кухню и собственноручно напилиться на вертел, облиться соусом и приготовиться в качестве ягненка... Но надо быть сильным. Хотя бы не сразу сдать себя с потрохами. Себя и свою малышку, которая наверняка еще не успела остыть от нашей первой поездки. Вдвоем по ночному городу.

– Ты что-то сказал, Сережа?

Она все еще ждет моего ответа.

– Нет, любовь моя! Я сейчас приду...

– У тебя ничего не произошло? Ты странный какой-то...

Сам себя сдал. Прятаться научился в детстве... А вот врать – нет.

– Все нормально, Милен.

– Может, на работе?

Она сама подсказывает мне направление. Не ведая того. Ну, конечно, на работе... Только вот что?

– На работе... да... – и я не знаю, что сказать дальше. Это так глупо.

– Ты не расстраивайся. Не хочешь говорить, не говори...

Ее стройная фигура в розовом костюме появляется на пороге комнаты. Она все так же прижимает телефон к уху, только теперь ее внимание направлено на указательный палец левой руки, который Милена шлифует специальной пилкой.

– Я винца купила. И ягненка сегодня приготовила...

А я думаю, что за запах. Точно. Ягненок. Вот почему у меня такие мысли. Заклание. Самопожертвование. Раскаяние. Во все виноват запах.

– Ягненка? – переспрашиваю я.

– Давай не будем портить вечер разговорами о работе...

Непонятно, кому адресована эта фраза. Мне или тому, кто в трубке. Хотелось бы определенности. Конкретики, что ли.

– Это ты мне?

– Конечно, любимый!

– Ты просто с телефоном...

– Да? – Милена удивленно перехватывает мобильник левой рукой и выпрямляет голову. – И действительно... Задумалась, замечталась. Я уже давно не разговариваю по телефону. После того, как Наташа тебе привет передала. А ты,

между прочим, сам до сих пор со своим чемоданом в руках...
Что-то мы рассеянные сегодня. Надо расслабиться. Выпить
вина. Съесть каре. И предаться разврату.

Милена хищно стреляет в меня глазами.

– С чего начнем? – спрашивает она и крадучись подходит
вплотную.

– Право выбора за женщиной! – напряжение меня от-
пускает. Значит, долгих разговоров сегодня не предвидит-
ся. Фух!

– Ты всегда такой галантный! – она забирает у меня из рук
портфель. – Иди мыть руки. Начнем, пожалуй, с... еды! А то
потом ягненок на мыло будет похож. А разврат от нас не убе-
жит.

Милена разворачивается ко мне спиной и выходит из ком-
наты, плавно покачивая бедрами.

– Жду тебя за столом.

Как же все отлично сложилось! – пронзает меня радостная
мысль.

Я иду в ванную комнату. Там я смотрю на свое отражение.
Я же весь сплошная демонстрация лжи. Уши полыхают алым
заревом. Лоб покрыт испариной. Красные пятна по всему
лицу.

– Я приму душ, – кричу из ванной.

– Только не долго, милый.

– Пять минут...

Обливаюсь контрастным водопадом. Быстрые короткие

смены холодной и горячей воды должны привести меня в порядок. Милена стучит в дверь.

– Ты там не увлекся?

– Выхожу! – теперь уже не понять, от чего меня знобит. То ли это нервное, то ли от переохлаждения. Так-то лучше.

Мы ужинаем молча. Почти всегда. Каждый поглощен едой и своими мыслями. За исключением тех моментов, когда моя супруга озвучивает очередной свой план на будущее. Что-нибудь вроде:

– Нам надо купить для меня шубу!

И все. Или вот такое предложение:

– Зимой нам надо поехать в Андорру, кататься на лыжах.

Бывает еще короче:

– Приедут мои родственники.

Какие варианты ответов? А разве кто-то кого-то спрашивал?

– Хорошо! – обычно отвечаю я.

Это совсем не значит, что мы не разговариваем. Мы разговариваем. Но не во время еды. Во время еды мы впадаем в священный транс. Это как чтение мантры. А болтовня только отвлекает. Милена вкладывает в каждое блюдо всю свою душу. И теперь ей нужно насладиться всеми ее гранями. «Познание себя» – так она это называет. Ну, и я тоже стараюсь не отставать. И познаю себя от пуза.

А вообще мы очень мило общаемся за распитием чая, или за просмотром какого-нибудь фильма, или перед сном, или

в коридоре, когда я ухожу на работу... Там обычно мы ругаемся. То есть, выясняем отношения. То есть, мне предъявляются претензии. А я быстренько на ходу принимаю их к сведению и убегаю обдумывать в офис.

Так что живем мы, как вы уже поняли, мирно. Душа в душу.

Вот и теперь Милена берет бокал вина и отправляется в комнату.

– Жду тебя в постельке! – призывно кидает она через плечо.

По виду супруги я понимаю, что она получила удовольствие от своей стряпни... Немного опьянела... И пока я буду разбираться с посудой, Милена, скорее всего, уснет... Что, собственно говоря, мне на руку.

Да! Посуда – это моя обязанность. Разделение труда. Она готовит, я мою. Но не люблю этого с детства. А как же так вышло, спросите вы.

– Милый, ты умеешь готовить?

– Да!

– Вкусно, хотела я сказать!

– Ну, не так, как ты...

– Вот! Поэтому готовлю я, а ты... Сам понимаешь...

Да! Я понимаю. Поэтому была у меня еще одна мечта. Поменьше Милениных, конечно. И приземленнее. Посудомоечная машина. Я тешил себя надеждой, что когда-нибудь у нас появится этот чудо-агрегат. И даже присмотрел модель.

И даже позволил себе разок заикнуться на эту тему. И даже получил обещание, что в скором времени... Но! Теперь посудомойка там же, где и шуба, где и все остальное...

Я надеваю фартук и кидаюсь в атаку на гору грязных мисок, кастрюлек, ложек, вилок, ножей, дощечек и прочей кухонной утвари, оставленной после ужина и онлайн урока.

Вы все еще хотите питаться вкусно? Я уже нет! Можно мне просто яичницы в сковороде и стакан чая со вчерашней заваркой? А ведь именно таким пещерным существом я был, пока не встретил Милену. Она сделала из меня человека. Превратила в гурмана с изысканным вкусом. И мне это поначалу очень нравилось... Если бы не посуда. Но не в моем положении сейчас возмущаться. Дайте мне гору грязных тарелок, я буду мыть их до тех пор, пока не искуплю свою вину. Пока я не смою позор со своей души.

– Как твои дела, любимый? – полусонный голос доносится до моих ушей сквозь поток воды.

– Еще немного! – кричу я в ответ.

Она еще не спит. И ведь что-то хотела узнать у меня... Точно! Она ведь так и сказала: «Я узнаю у своего...» Как я мог забыть? Вместо того, чтобы обдумать все возможные варианты вопросов-ответов и продумать пути отступления, я бездумно поедал агнца в чесночном соусе, запивая красным вином, а потом разглагольствовал о посуде. Бездарно! Чудовищно бездарно и расточительно прожито последних полтора часа. Вот что значит потерять голову от счастья.

Эх! Была не была! Не смогу же я прятаться все время! Будь что будет! Лучше уж сразу. Тем более, она сейчас пребывает в состоянии блаженства. Авось пронесет...

– Милена!

– Да... – отвечает она протяжно.

– А что ты хотела у меня узнать?

– Я?.. – она задумывается на некоторое время. – Ах, да!

Хотела... – говорит супруга лениво. – Хотела...

Я слышу, как Милена сладко потягивается на кровати.

– Ну, ты же придешь ко мне... Когда-нибудь...

– Да...

– Вот я и спрошу...

Конкретного ответа я не получил. Так и остался в своих тревожных догадках. А между тем, посуда почти уже вымыта. Еще одно блюдо... И все. Больше тянуть невозможно. Я беру свой бокал и иду в комнату.

– Любимая, – начинаю говорить в коридоре и замолкаю в дверном проеме.

Я облокачиваюсь о косяк с бокалом в руке. Прозрачный голубой поток лунного света ласкает обнаженное тело моей жены. Уснула. Не дождалась. Поднимаю за это бокал с пожеланием супруге крепкого сна. Осторожно подхожу к окну и отодвигаю занавеску. Там внизу, среди невзрачных груд железа, спит еще одна красотка, поблескивая боками цвета слоновой кости. И она тоже моя. Мои милые! Они обе спят. Ничего не зная друг о друге. О, если бы продлить это

их незнание навсегда. Но я же понимаю, что вечно продолжаться это не может! Вечно... Скажете тоже. О чем разговор? До завтрашнего дня бы дотянуть.

Я чокаюсь с отражением в окне, допиваю вино и тихонько ложусь рядом с Миленой. Хочу укрыться. Но моя жена причмокивает и поворачивается ко мне спиной, обернувшись в одеяло, как куколка. Я остаюсь обнаженным. Устроить борьбу за обладание хотя бы краешка покрывала? Последствия непредсказуемы. Лучше укрыться чем-нибудь другим. Осматриваю комнату в поисках кандидатуры на согревание моего тела. Накидка на кресло подойдет. Надо только тихонько дотянуться до нее, не поднимая шума.

Хорошо, что комната небольшая и все расположено компактно. Оставаясь лежать на спине, протягиваю руку. Еще... Еще чуть-чуть.... Надо немного сползти. Наступает та самая грань, когда уже я сам могу свалиться. С третьей попытки хватаюсь за краешек материи и осторожно тяну к себе...

Грохот упавшего неизвестного предмета взрывает темноту. Я вздрагиваю и теряю равновесие. Тоже шлепаюсь на пол. Тут же подскакивает моя супруга.

– А! Что? Что такое? Пора вставать? – лепечет она сквозь сон, протирая глаза.

Я запрыгиваю на диван. Обнимаю ее и яростно шепчу.

– Все в порядке. Это сквозняк. Что-то упало.

– Упало? Что упало? – она все еще хочет разобраться и порывается встать.

– Ничего, любимая... – я прижимаю ее к подушке.

– Ничего? А где ты был?

– На кухне... – я обнимаю ее еще крепче и глажу по голове. – Все хорошо. Я был на кухне...

– Так долго... Почему так долго? Ты замерз весь... – бормочет она, проваливаясь обратно в сон. – Скорее ныряй под одеялко... Согреться...

Милена засыпает спиной ко мне. Я дышу ей в затылок, вдыхая аромат ее волос. Что же там так рухнуло? Не отпуская объятий, поворачиваю голову насколько могу. Позвоночник скручивается в спираль. Какой же я неуклюжий и невнимательный. По полу разбросаны ароматические свечи и деревянный поднос с малахитовыми подсвечниками. Становится отчаянно стыдно. Это должен был быть романтический вечер. Она готовилась... Ждала... А я? Бесчувственный эгоист. Завтра же признаюсь во всем. Как проснусь.

– Спокойной ночи, любимая! – шепчу я и целую жену в макушку.

Но уснуть мне было не суждено. Сон мой, как всегда, чуток и тревожен. Казалось, что я вообще не сплю. Глаза сами открывались при каждом звуке. Сначала собаки устроили шумную свадьбу под окном. Выли, лаяли и грызли друг друга. Потом сработала сирена. Тут я не только проснулся, но и еще, насколько это возможно, аккуратно и стремительно подбежал к окну. «Волга» мирно дремала, а рядом надрылся наглый Мерен. Минуты через три его угломонили. По-

том меня разбудил рев мотоцикла. Который в свою очередь взбаламутил сигнализации уже не одной машины. Я опять подпрыгнул к окну. Моя прелесть спала, но вокруг нее надрывалось сразу пять иномарок. Скажите пожалуйста, какие мы нежные. Прямо не дунуть на них. Вон с моих красоток пример берите. Что одна, что другая, спят себе без задних ног и колес. Подумаешь, мотоцикл...

Нервы вам лечить надо! – подумал я. – И мне в том числе, – продолжил я свою мысль и снова лег. Закрыл глаза...

И опять был разбужен противным попискиванием. Мусоровоз сдавал назад. Рассвет залил тюль на окне розовым вином. Электронные часы мигали зелеными 06:06. Ничья. До финального свистка оставалось двадцать четыре минуты. Двадцать три. Минуты вырвались вперед. Их мигание пульсировало в моем затылке. На лице застыла гримаса недовольства. Я чувствовал, как устали от напряжения мышцы на скулах. Еще один гол. Часы проигрывают два очка. Не буду же я досматривать этот позорный договорный матч до разгромного счета 06:30. Все проплачено и предрешено.

Я объявляю войну фатализму. Хочется сказать, беру судьбу в свои руки, но понимаю, что это как-нибудь в другой раз. Когда наступят времена получше. А пока я могу позволить себе встать. Выключить будильник. И на ощупь отправиться в ванную комнату.

Вид из зеркала лишает всякой надежды на хорошее настроение. Красные глаза. Серые мешки под ними. Сухая ко-

жа. Потрескавшиеся губы. Щетина. Безвольный подбородок. Кто подменил мне лицо? Так, наверно, я буду выглядеть на пенсии! Но сейчас-то! Надо действовать!

Начинаю реставрационные работы моего интерфейса. И хорошо бы их закончить до пробуждения супруги. Закончить и сбежать. Я вчера что-то говорил про утреннее признание? Вот только давайте не будем сейчас об этом. Я разбит, раздавлен и вообще не выспался. Отложим до вечера...

– Милый, а ты куда собираешься? – открылась дверь в ванную.

На пороге появилась Милена.

– На работу... – промямлил я ртом, набитым зубной пастой.

– На какую? – выражение ее лица было заспанно-подозревающим.

– На обычную... на мою, – я тоже начинал себя подозревать, не зная, в чем.

– Сегодня же выходной, любимый! Это завтра на работу! – она улыбнулась, преподнося такую радостную новость.

– Правда? – я чуть не подавился зубной щеткой.

– Заработался совсем... Идем спать дальше.

Неспроста эта ночь была такой беспокойной. Собаки, мотоциклисты, сигнализации и мусоровоз. Любой нормальный человек заподозрил бы неладное, только увидев ароматические свечи для романтической ночи. Я же нет! Настолько был поглощен своим враньем.

– Я в туалет и опять в постельку... А ты как хочешь! Трудяжка мой!

Милена зашла в соседнюю дверь. Ну, и что я теперь? Как дурак с начищенными зубами... Тут же созрел коварный план. Дождусь, когда опять уснет, и сбегу потихоньку. Потом придумаю оправдание... Так и поступим!

– Любимый! – раздалось из-за перегородки.

– Да, милая?

– А знаешь, что я хотела у тебя вчера узнать? Насчет шубы... – Милена спустила воду в бачке, а меня прошиб холодный пот.

Вот такие это были сообщающиеся сосуды. Перед глазами возник образ воронки в унитазе, которая затягивала меня в крошечную пучину бед.

– Что насчет шубы? – кое-как я выговорил эти три простых на первый взгляд слова. Но дались они мне ценой невероятных усилий. Казалось бы. По отдельности совершенно безобидные слова. «Что», «Насчет» и «Шубы». А соедини их вместе. Получается катастрофа.

– Мне вчера Наташа сообщила. Знакомые ее, которые из Греции шубы возят, – супруга опять возникла на пороге ванной, – только вернулись. И шубку моей мечты привезли. Вот я и хотела узнать...

И она зашлепала босыми ногами к дивану. Пружины матраса закрипели ржавчиной по моим нервам.

– Какие у тебя планы на сегодня?

План у меня был один – провалиться сквозь землю. Я молча смотрел на свое трагическое выражение лица. Пена на губах? Я в бешенстве? Ах, нет... Это зубная паста.

– Если планов никаких, то после обеда поедем... Все... Я спать... Это же надо подняться в такую рань... Трудоголик ты мой...

Продолжение фразы поглотила подушка.

Надо было бежать. Ничего другого мне на ум не приходило. Сесть в машину и укатить куда глаза глядят.

А куда же они у меня глядят в половине седьмого утра? Все нормальные люди спят еще. А если задуматься, то у меня и друзей-то таких нет, чтобы можно было залечь на дно. Один Натан, разве что. Друг мой со студенческих лет. Начальник мой теперь. Да и то... Не явишься же к нему с утра пораньше. Он на работу не раньше десяти приезжает обычно. А сейчас вообще выходной. И тут я задумался. Что же это получается? У меня друзей нет? Совсем? А куда они делись?

Я доумывался и вышел на кухню. Бежать на голодный желудок не хотелось. Занялся приготовлением завтрака. По-быстрому. Яичница с зеленью, беконом и тертым сыром оказалась подходящим вариантом. И свежесваренный кофе вдогонку... Ну, а мысли в голове томились на слабом огне уже сами по себе, в своем собственном соку.

На чем бишь я остановился? Куда делись друзья?

...Надо прежде обжарить бекон. Слегка. И, главное, бесшумно...

А вообще... Были у меня друзья? Детсад оставим. Не будем ворошить темное прошлое. Одноклассники? Никто из тех, с кем я зажигал в школе, в Москву не перебрался. Или за бугор свалили, или в родном городе осели.

...Мелко нарезать укроп, кинзу и зеленый лук, еле слышно водя ножом по деревянной доске, и туда же, на сковородку...

Сокурсники? Почти, как и однокашники. Кроме Натана, все мужики за рубежом, девушки замужем. Одна из них за мной.

...И залить все это двумя взбитыми яйцами, посыпав сверху тертым сыром пармезан. Тьфу, дьявол! Обязательно снять стружку с указательного пальца...

И вот, слизывая капельку крови, смотрю я, как дышит на сковородке бело-желто-зеленая масса с кусочками бекона, как стружки сыра плавятся, теряя свои строгие формы, и вижу в этом свое отражение. Скорее даже отражение своей сути. Что, спрашивается, меня в этом не устраивает? Бесформенное все и беспорядочное. Пыхтит чего-то там внутри! Кумекает. Никак не разродится. Нет чтоб взорваться вулканом и устрять все стены... Неопратно? Зато от души!

...Но пахнет, однако, отменно.

– Милый, а что это ты тут устроил? Это же форменное издевательство, – я не слышал, как Милена вошла в кухню, – разве можно спать, когда тебя атакуют такие запахи? Это форменное фуд-порно! Никакой поэзии, утонченно-

сти... Грубо, как в казарме. Видели бы это мои подписчики, бежали бы от меня без оглядки! Быстро мне тарелку и кусок черного хлеба. Надо заметить следы преступного обращения с продуктами. Срочно!

И моя жена, как была в халатике на голое тело, так и усе-лась за стол, сорвав все мои планы. А их было громадьё! Как минимум два! Позавтракать и сбежать. Ладно, сбежать теперь не получится. Все равно это было бессмысленно. Но завтрак! Я не рассчитывал на двоих! Тут и одному-то было в обрез. А моя супруга обладала очень хорошим аппетитом. Так что я остался без еды. Бутерброд и кофе, вот мой удел.

– Я, оказывается, бешено проголодалась во сне, – призналась Милена и принялась уминать за обе щеки то, что предназначалось одному мне. Больше она не произнесла ни звука, кроме причмокиваний. Разговаривать не позволялось, а вот смаковать, причмокивая, – сколько угодно. Так выражалась высшая степень наслаждения едой. Пока она ела, я тоже мог молчать, оттягивая признание. Мог использовать предоставленное мне время, чтобы наиболее точно сформулировать покаянную речь. Дабы не сразу лишиться головы, ну, или тех частей тела, которые моя Милена пожелает отсечь.

Я смотрел, как мой завтрак тает прямо на глазах. Это были какие-то ометные часы. Яичница перетекала в рот моей супруги. Тарелка пустела, приближая минуту расплаты, то

есть момент истины. Последний кусочек бекона исчез с поверхности китайского сервиза. Вилка с ножом крест-накрест ударили о фарфор. Как в колокол. Час пробил.

Пока она ела, мне так и не удалось придумать ничего значимого в свое оправдание. Меня все время отвлекало то, что Милена проделывает с моей едой. Я не мог сосредоточиться. Но все же начало речи мне удалось придумать. Звучало оно так: «Любимая, ты же знаешь, как ты мне дорога и как я тебя люблю. И я прекрасно понимаю твоё желание обладать натуральной шубой. И даже разделяю с тобой это твоё стремление. И готов на все, чтобы воплотилась твоя мечта. Но, видишь ли...». Дальше моя фантазия не пошла. Оратор был из меня никудышный. Я никак не мог сформулировать, что конкретно она должна видеть. То есть, я понимал, что денег на шубу у нас нет, но как ей об этом сказать, чтобы не было так обидно?

– А кофе мне сделаешь? – спросила Милена

– Конечно! С корицей? – ответил я и пошел к плите.

– Да! Как ты умеешь!

Я не только умел. Но еще и обожал готовить кофе с корицей. И пить маленькими глотками. Долго и самозабвенно. Возносясь в незримые выси, утопая в облаках вкусов и запахов. Похрустев специальной мельничкой с восточной пряностью, я поколдовал над туркой. Пахучая коричневая пыльца растворилась в черном дымящемся зеркале.

Это был ответственный и подходящий момент. Вовремя

снять с огня. А потом преподнести чашечку ароматного бодрящего напитка, сопроводив произнесением заготовленной речи. Ну, хотя бы той части, что сложилась у меня в голове. А дальше куда душа выведет.

Густое масляно-черное содержимое турки соскользнуло в чашку, ударив в голову парами эфиопской арабики. Пришпоренный мозг встал на дыбы, как мустанг на родео. Сейчас или никогда. Я поставил кофе на стол перед Миленой и начал.

– Любимая, – крепкий аромат кофейных зерен достиг мозжечка, – шубы не будет!

На этом моя речь закончилась.

«Если все равно финал один, так какая разница, с чего начать» – билось в конвульсиях у меня в левом полушарии. «Бесхитростный и прямолинейный болван» – задышалось от хохота в правом.

– Как не будет?

– Денег нет... – на этом мой словарный запас иссяк. И моя душа больше никуда меня везти не хотела, жалко свернувшись калачиком у моих ног.

Жена застыла с чашкой в руках и стала похожа на фигуру мадам Тюссо. Она смотрела на меня, как на ту самую яичницу пять минут назад.

«Я буду съеден заживо!» – истерило слева.

«Ты будешь съеден заживо!» – поддакивало справа.

– Не поняла... – ожила Милена. – Повтори!

Она, как всегда, говорила тихо. А сейчас даже еще тише, чем обычно. Почти не открывая рта. Чудеса чревовещания. От этого становилось еще страшнее. Жутче. И даже жутчее. Низкий голос из глубин маленькой хрупкой женщины. Казалось, само ядро земли обращается ко мне раскаленными добела словами. Еще секунда – и свершится извержение. Это был последний день Помпеи. Там есть один товарищ, который на заднем плане гибнет под колесницей, так вот это – я.

– Что ты молчишь? – теперь, казалось, она вообще не открывает рот и ее мысли прямоком попадают мне в голову.

– Любимая, ты же знаешь... – почему-то мне вздумалось начать снова. Как в кино. Второй дубль. Но кина не было.

– Можешь засунуть, это свое «любимая» сам знаешь куда. Говори конкретно и по сути!

Да! За свои поступки надо отвечать. Это я был романтиком и рассчитывал на какие-то там небесные силы, случайности и авось. Моя же супруга была приверженцем материалистического детерминизма. Это я витал в облаках, а она прагматично стояла на своих двух ногах и рассказывала безруким дамочкам, как сварить яйцо вкрутую и не спалить при этом кухню.

– Ну что ты хлопаешь своими невинными голубыми глазенками, Сергей! Я жду ответа! Или ты пошутил? Если так, то все будет еще страшнее, чем ты себе сейчас представляешь. А если это правда... То круги Данте покажутся тебе детской каруселью. Отвечай!

И тут она встала, уперев руки в боки, при этом распахнув халат, как края черкесской бурки. Наверно, ей хотелось продемонстрировать кинжал или саблю, но, тут же вспомнив, что под халатом ничего этого у нее нет, кроме нее самой, ментально запахнулась обратно. И закричала... если можно так сказать, потому что я не расслышал всех сказанных слов, кроме «бездарность» или что-то в этом роде. Потом взяла чашку, хлебнула оттуда холодной черноты и спросила уже чуть спокойнее.

– Ты их пропил?

Наконец- то конкретный наводящий вопрос. Ответить на него было легко.

– Нет!

– Наркотики? Ты скрытый наркоман?

– Нет!

– Проиграл? Скачки? Карты?

– Нет!

– Любовница! Точно! У тебя есть любовница! Как я сразу не догадалась! Ах ты, двуличная морда! Ты же ей купил шубу! Да? Ну, точно! Так оно и есть! Ты своей сучке купил мою норковую шубу! Кобелина ты некастрированная... Некастрированный! Я угадала? Да? Конечно! Это же было видно невооруженным взглядом. Все твои поступки, все твое поведение. Все это говорило о том, что у тебя есть другая женщина. Слава богу, все открылось! Теперь пеняй на себя, ты сам развязал мне руки. И давно это у вас? Отвечай!

Давно?

– Милена, мы женаты всего два года...

– Да?

– Да...

– И что? Что из того? Кого это когда останавливало?

– Нет женщины... – но она меня не слышала.

– Уже целых два года... Конечно! Я тебе надоела. Наскучила! Ты даже не приходишь ко мне. Посуду тут вечно моешь...

– Нет женщины... – сказал я громче.

– Нет женщины? – переспросила Милена.

– Нет!

– Нет? – продолжала она давить на меня.

– Да!

– Да? Не поняла! Так да или нет?

– Да, в смысле нет!

– Значит, женщины нет??? Точно? Уверен в этом?

– Ну... в общем... да...

– Вечно этот твой мумеж! Му-му ме-ме! Ничего не понятно. То – есть! То – нет! Можешь внятно сказать? Женщины нет!

– Женщины нет! – ответил я, стараясь повторить ее интонацию.

– Ничего не понимаю... – у супруги опустились руки.

И правда, как-то странно выходило. Если вот так вдуматься... Не наркоман, не алкоголик, не игрок, не бабник... А ку-

да же деньги девал?

Так Милена и спросила.

– Куда же ты деньги девал?

Я подошел к окну, откинул занавеску и указал вниз.

– Вон...

– Что? Выкинул?

– Нет...

Она встала рядом и посмотрела на землю.

– Закопал? – и тут же сама отбросила это предположение ввиду его полной идиотичности. – Нет?

– Машина... – робко выговорил я.

– Машина? – переспросила Милена, растягивая слово, как гармошку, чтобы понять весь его смысл.

– Да... Машина.

– Хочешь сказать, что ты купил машину? – спросила она неожиданно спокойно. Только особо выделив местоимение «ты».

– Купил...

– Ты дебил, да? – и тут же ответила сама себе. – Ты дебил! Уж лучше бы ты шубу любовнице купил. Или пропил все к чертям собачьим. Протрахал и прокутил! Какая машина?

– Вон она! – я указал в ту сторону, где стояли рядом «Мерседес», «Волга» и «Опель». Все остальные уже разъехались по дачам.

– Мерседес? Ты купил мерина у дяди Коли? Ты совсем того, да?

– Не мерин...

– Опель? Эту срань?

– Нет!

– Господи! А что тогда? – взмолилась супруга.

– «Волгу»... ГАЗ-21. – Я понял, что сказал это с такой любовью, с какой не говорил ни об одной из своих женщин.

Милена подозрительно прищурилась на меня.

– ГАЗ-21?

– Цвета слоновой кости... – Фраза прозвучала с таким чувством, что жена в праве была заподозрить меня в измене... с автомобилем. Она именно так и подумала.

– Ты извращенец... Конченный... – Она отошла от окна. – Это же надо! Купить ржавую помойку!

Взяла недопитый кофе, посмотрела на него задумчиво и вылила в раковину. Потом сполоснула чашку и повернулась ко мне.

– Можешь валить из дома. Сейчас же. Делай, что хочешь, но пока не вернешь деньги, обратно можешь не возвращаться. Видеть тебя не могу!

И Милена грохнула кофейную пару дорогого китайского фарфора об теплый пол нашей семейной кухни. Белые острые брызги рассыпались по шоколадному кафелю.

– Дурак! – добавила она, и из ее глаз потекли тихие слезы.

Еще какое-то время супруга стояла, молча глядя на осколки, потом подняла то, что раньше было ручкой от чашки, повертела в руке, надела на средний палец правой руки и взгля-

нула на меня, продемонстрировав это украшение.

– Чашка... моя любимая... Купишь такую же!

Потом она бросила фарфоровое колечко в раковину и пошла из кухни.

– Уходи! – сказала она спиной и скрылась в комнате.

13 часов. 60 километров

Наспех облачившись в первое, что попало под руку, я вышел из подъезда. Вчерашняя рубашка, вчерашний галстук, вчерашний костюм. И вдобавок никакой утренней свежести тоже не было. И в помине. Какая к чертям утренняя свежесть в Капотне? Была утренняя пыль, утренний смог и утренняя вонь от нефтеперерабатывающего завода. Но дышалось при всем этом абсолютно легко. Просто с души свалился камень. Не надо было таиться, изворачиваться и чего-то выдумывать в свое оправдание. А то, что я был выставлен на улицу, то это ничего. И то, что денег не было, тоже, в общем-то, не беда. И то, что вещей на смену я никаких не взял, не страшно. Страшнее было пойти за ними в комнату, где как раз затаилась Милена. И наверняка в своей любимой позе. Все это просто небольшие трудности. Которые мы, вдвоем с моей «Волгой», легко преодолеем. Только отчего-то очень хотелось уткнуться в чье-нибудь плечо и разрыдаться.

Машина встретила меня с удивлением, своими огромными круглыми фарами. Решетка радиатора улыбалась, но как-то натянуто и неправдоподобно. Был бы у «Волги» сзади фаркоп, она обязательно бы им завиляла. Как преданная собака. Облака медленно плыли по ее лобовому стеклу. Я подошел ближе, и в отражении появились верхние этажи нашего дома. Узнал наш балкон. На нем никого не было. Быть

может, моя супруга стоит у кухонного окна? В отражении не увидеть. И я поднял голову. Нет! И там было пусто. А моя поза выглядела так, словно я собираюсь завывать.

– Да... Вот так... – заговорил я и положил руку на прохладный капот, – моя хорошая... А ты улыбаешься... Я понимаю, что тебе хочется поддержать своего хозяина... Но... Тут, как говорится, или пан, или пропан, или бутан. А тебе же нужен бензин... И все мои проблемы тебе до заднего бампера. Лишь бы масло меняли и об забор не били. Что же нам теперь делать? А?

Я поймал себя на мысли, что разговариваю с автомобилем. И стало совсем тоскливо.

– Чего я пристал к тебе? Ты же всего-навсего машина...

По лобовому стеклу поползла серая туча.

– Дождь, что ли, будет? Только этого не хватало.

Несколько капель гулко шлепнулись на капот. Потом парочка расквасилась о крышу. Одна прицельно упала мне за шиворот.

– Ну, точно... А у меня с собой ничего. Зато есть где укрыться.

С этими словами я открыл дверь и мягко плюхнулся на диван переднего сиденья. Через секунду с неба упала вода. Это был не дождь, состоящий из струй и капель, которые весело резвятся по лужам, лопааясь пузырями. Это просто сверху рухнул океан. Бац! И перед глазами сплошная непроглядная пелена. Будто меня поместили в стекло. Как вот ту

розочку в рукоятке, сделанную неизвестным ээком. Теперь я заложник. Заложник непогоды, этой машины и необходимости выкручиваться из ситуации, в которую сам же себя и загнал.

– Вот тебе твоя мечта! Вот тебе воплощение твоих фантазий!

Из глаз тоже ливануло. Над головой небо разрядило гигантскую хлопущку. Молния с треском разорвала пространство в просвете между домами. А попади такая штуковина в нефтеналивной танк... Интересно, что стало бы с Капотней?

– Накрылись бы они медным котлом. А что же у нас радио молчит? Тут такая веселуха... Только музыки не хватает.

Я нажал большую кнопку с надписью «Вкл.». Из колонок раздалось то же шипение и треск, что и вчера. Неистовое кручение ручек в погоне за радиоволнами и шелканье клавишами ни к чему не привели. Радио хрипело и кашляло. Явная ангина с осложнениями на бронхи.

– Да, милая, надобно обратиться к дохтуру!

За окнами вспыхнуло голубое зарево. И тут же гром ворвался в салон автомобиля. Молния вонзилась в старый тополь, растущий неподалеку. Потрепала его по верхушке. И, пройдя через ствол, разошлась кругами во все стороны. Мокрый асфальт засиял, как подсвеченная изнутри витрина с елочными украшениями. Машина мелко задрожала, и по всему корпусу запрыгали радужные неоновые зайчи-

ки. Волосы у меня на голове тихонько затрещали и встали дыбом, как ворсинки на шерстяном свитере. «Мерседес» справа заскулил сигналками и заморгал фарами от страха. «Опель» слева подхватил его истерику.

– Добрый день, – произнес томный женский голос. Я непроизвольно подпрыгнул на сидении. Будь у меня сигнализация, заорал бы от испуга как оглашенный.

– С вами «Релакс ФМ». Радио хорошего настроения. Десять часов одна минута. В Москве сегодня солнечно. 24 градуса тепла. Ветер 2 метра в секунду. Влажность 33 процента. Давление 746 миллиметров ртутного столба. Вероятность дождя низкая.

Заиграла приятная музыка. Романтическая атмосфера заполнила салон.

– То ли мы не в Москве, то ли девушка со своей метеостанцией на Мальдивах, – не удержался я от комментариев, – а музыка подходящая. Под стать состоянию.

Дождь между тем подуспокоился и тихо шелестел, подпевая Луи Армстронгу «What a Wonderful World». Мерин с «Опелем» затихли, присев на своих четырех колесах. В облаках откупорили крышку и стали заливать тягучий солнечный мед вперемешку с дождевыми бусами.

Я еще раз взглянул на окно кухни, на балкон, повернул ключ в замке зажигания и покатил со двора. Куда глаза глядят. Забрав с собою дождь, который перебрался внутрь меня.

– Счастливого пути на волнах «Авторадио», – сам по себе

переключился приемник, и Элвис Пресли запел «Can't Help Falling in Love».

– Сильно, видать, тебя жახнуло молнией, моя хорошая! Ничего, мы приведем себя в порядок всем невзгодам назло.

Перед выездом я остановился. Скорая помощь пронеслась мимо, окатив «Волгу» водой из лужи. И радио тут же смолкло.

– Вот козел... Хотя, может быть, сейчас кому-то еще хуже, чем нам. В честь сегодняшнего знаменательного дня приглашаю тебя на свидание. Отметим, так сказать. Свободу... что ли... Не знаю даже... Устроим романтический завтрак на дорожной заправке. Зальем в тебя супер-пупер топливо, а в меня кофе и, если повезет, с корицей.

Волга молчала и элегантно плыла по мокрой дороге.

– Вскрою кредитку, как это ни прискорбно. Ненавижу. А что поделаешь. Жизнь не отключишь. Это тебе не твое радио. Нет, оно, конечно, можно... Но не нужно! Молчишь? Ну и ладно! Я знаю, что ты меня слышишь...

Я еще раз попереключал кнопки на панели приемника, покрутил ручки, но ничего, кроме шипения, не поймал.

– Не хочешь включаться? Ничего, и с этим разберемся. Мы со всем разберемся и со всеми. А Милена, она хорошая. Даже очень! Я люблю ее. Ага. Думаю, она меня тоже. Иначе чего она за меня замуж пошла. Она же видела, какой я. В институте. Все четыре года у нее на глазах. Вот такой... никакой. Самый старший, если не сказать самый старый на пото-

ке. Мне же двадцать семь было. А ей восемнадцать. Милене моей. А еще Натан был. Боевой конь. Чуть младше меня. На два года. Староста курса вечный. Начальник мой сейчас. Он-то меня и пристроил в отдел.

А Миленка променяла диплом экономиста на блог повелительницы авторских блюд. Готовить она любит с детства. Вот такая редкость на сегодняшний день. А еще дома сидеть. Если бы за продуктами выходить не надо было, так вообще на улицу и носа не показала. Ей балкона выше головы хватает. «Чего я там не видела? Скука!..» А вот путешествовать любит. У нее все поездки на пять лет вперед расписаны. Ага, вот так она и сочетает полезное с приятным. Готовить и дома сидеть. Так этот ее блог и появился. Как завоевать сердце мужчины, используя только макароны и корень сельдерея. Девушки, не умеющие приготовить элементарную овсянку, боготворят ее. И скармливают свои кулинарные эксперименты собственным мужьям. Вполне возможно, что успешно. Криминальные хроники молчат. О количестве жертв статистика умалчивает. Я тоже сначала думал, что все это чушь...

Машина внезапно влетела передним колесом в неглубокую яму. Рессоры жестко ответили на удар. Мои челюсти щелкнули друг об друга. И я словно проснулся.

– Вот блин! Яма в луже. Чего вообще такое? Видать, и меня молнией задело. С машиной разговариваю. За дорогой не слежу. Срочно инъекцию кофеина...

Дальше я ехал молча, прислушиваясь к автомобилю и с интересом поглядывая на радио. Бывают же такие совпадения и случайности. Машина как будто со мной общалась через приемник. Кому расскажешь, сочтут за сумасшедшего. Или скажут, что фильмов насмотрелся.

Залив бак до полного, я припарковал машину и пошел заправляться сам. Никуда не торопясь. Нарочито медленно, под стать течению моего внутреннего ощущения времени. Его сегодня было так много, что я не знал, что с ним делать и на что расходовать. Поэтому чем медленнее его тратить, тем быстрее оно кончится. Вот такой парадокс.

В этот утренний час в зале был только я и обслуживающий персонал в количестве пять человек. Зеленый фирменный стиль, должно быть, обещал хорошее настроение и гармонию с природой.

– Слойку с вишней... и кофе... американо... Если есть, с корицей, – сказал я лениво, разглядывая через витрину мою загорающую под солнцем «Волгу».

– Большой? – спросила бодрая продавщица.

– Средний...

– Возьмите большой! У нас акция. Большой кофе и сосиска в тесте в подарок, – девушка тараторила. Ее время несло галопом.

– Я хочу слойку с вишней.

– Слойка с вишней в акцию не входит! – неслась продавщица впереди паровоза.

– А мне и не нужна акция... – Я видел, как набежавшие тучи отразились в лобовом стекле, отчего машина помрачнела и насупила брови.

– Тогда не получится сосиска в тесте! – обиделась девушка.

– Ну и пусть не получится...

– А как же наша фирменная акция? Она у нас только по воскресеньям до одиннадцати утра. Многие специально приезжают.

Я оглянулся на пустой зал.

– А сосиски у нас вкусные. Свежие! – продолжала говорить бодрая девушка-робот. – Вам с кетчупом?

– Нет! Я хочу слойку с вишней, кофе американо с корицей, и все это без кетчупа.

– Большой?

Мы пошли на второй круг. Мои часы начали набирать ход. Они как будто поддались общей панике и погнались за поездом, на который опаздывала продавщица. Я посмотрел на бейджик. «Лена». Почти что Милена, только без Ми... без Ме и без Му...

– Лена... Это ваше имя? Лена?

– Да...

– Вы меня видите?

– Да...

– А слышите?

– Конечно! – ее уверенности можно было позавидовать.

– Мне нужна слойка с вишней...

Не успел я договорить.

– Я поняла! – Лена аж подпрыгнула. – Слойка идет вместе с большим капучино! Слойка, правда с творогом, но для вас могу сделать с вишней. Вам с собой или тут?

Бороться с этой Леной у меня не было желания.

– Простите, а можно позвать другую девушку?

– А чем же я вас не устраиваю?

– Вы?.. – состав понесся под откос. И я почти уже запрыгнул в него. Часовые колеса отбивали барабанную дробь по рельсам времени... Но тут тепло коснулось моей левой щеки. Повернулся. Это солнечный зайчик чмокнул меня, отскочив от капота моей ненаглядной. Она стояла такая нежная в лучах утреннего солнца. Небо прояснилось. Я замер в наслаждении, и поезд ушел без меня.

– А знаете что, Лена! Давайте мне свой большой капучино с сосиской в тесте и вишневую слойку в придачу.

– С корицей?

– И без кетчупа, пожалуйста!

– Так бы сразу и сказали! – обрадовалась Лена и пошла готовить свой заказ для меня.

Через пару минут я сидел за большим стеклом напротив своей «Волги», потягивал капучино и щурился от яркого неба в лобовом стекле. У нас было свидание.

Вы скажете, что я тронулся мозгами? Быть может... Может быть...

Быть может, это последствия бессонной ночи? А может быть, это результат удара молнии?

Заняться нам было особенно нечем, а так как я обещал прогулку, то мы сытые и довольные выехали на МКАД. Воскресный полдень. Поначалу машин было мало. Но через сорок минут нашего променада ехать стало не так весело. Машин прибавилось. И нам стало некомфортно. Нас обгоняли, подрезали, нам сигналили. Пару раз чуть не снесли бампер. А мотоциклист едва не оторвал боковое зеркало.

– На Ленинградке развернемся и поедем обратно. Следующая развязка наша. Главное – не пропустить поворот, там сейчас такого наворотили...

Я опять разговаривал вслух. Быть может, подспудно мне казалось, что я разговариваю с Миленой. Может быть, в глубине души мне хотелось, чтобы она сейчас сидела рядом и держала свою руку на моем колене. Конечно! И то, и другое, и третье... Я же любил ее. Это было так глупо- уехать, не поговорив толком. Не объяснившись. Просто поддаться слабости и сбежать. Тупое утреннее наваждение. Это было непростительно. Я только теперь начал это понимать. Мой мозг никогда не отличался скоростью реакций. Мои ответы всегда запаздывали. А если включались эмоции, то я вообще превращался в соляной столб. А сейчас мне было больно и обидно. Я давил на газ и никуда не ехал. Изо всех сил. Но оставался на месте. Только старая резина скребла по моей душе, обледеневшей от одиночества. А Милена уплыва-

ла от меня, утопая в сигналах, проносащихся мимо гоночных болидов. Моя Милена... Я всегда мечтал заняться с тобой любовью на заднем диване нашей машины... Мечтал... А после этого нестись вдвоем по ночному шоссе. Прямым ходом в рассвет. А ты сидишь рядом, прижавшись к моему плечу. И твоя рука... больно сжимает мою ногу. Я кричу.

– Милена, ты что?

И тут я открыл глаза. На меня мчалась металлическая опора, размахивая рекламным щитом.

– Какого моооолдинга??? – ору я.

Рычаг коробки передач впился мне в бедро. Вот откуда эта боль.

– Я уснул?

– Уснул! За рулем... И лечу прямым ходом в ограждение.

Неизвестная сила взорвалась во мне и заставила вывернуть руль круто влево. Нога уперлась в тормоз. Лицо воткнулось в руль. Я остановился на обочине. Не сам по себе. Сидя в автомобиле, конечно. Выпрямился и посмотрел на дорогу. Две черные змеи тянулись за «Волгой» поперек двух автомобильных полос. Мимо проехало несколько машин с людьми, которые строили жуткие рожи и грубо ругались. Скорее всего. Слов-то я не слышал, но видел их страшные тени на кричащих лицах. А еще машины сигналили и мигали фарами. Наверно, это означало, что я дурак. Ну, или что-то в этом роде. Я был с ними вполне солидарен. Ехать в таком состоянии было нельзя. Мы прокрались с моей красавицей вдоль

забора до небольшой парковки для дальнобойного транспорта и там затаились прямо у въезда. Я откинул кресло. Закрыв глаза. И меня тут же выбросило за пределы сознания. В бессознательное, если говорить по-умному. В общем, выключило из жизни. Словно выбило все предохранители. Я думаю, сказалось перенапряжение... судя по часам, вот уже восемнадцатичасового обладания моей красоткой цвета слоновой кости.

Всего-то восемнадцать часов. А какая лавина событий, переживаний, открытий и сюрпризов. Подхватила меня и несет в неизвестность. И кружит, и кружит, и кружит. Чуть ли не до тошноты. Винегрет чувств и крошка эмоций. За последние три года в мой жизни не произошло столько, сколько за один прошедший день. В результате все смешалось с моим серым веществом в голове и выдало кромешно черный экран глубокого сна...

...Hello, Dolly, ...well, hello, Dolly

It's so nice to have you back where you belong

You're lookin' swell, Dolly... I can tell, Dolly...

В мою машину забрался американский бомж? А может, и вообще в мою черепную коробку? Что тут делают эти хриплые голоса? И для чего мне заморозили поясницу? Залили свинца в шею! Почему последнее время все претендуют на мой суверенитет? На мою целостность! Надо разобраться со всем этим!

...Hello? Dolly...

Долли еще какая-то... Кто такая эта Долли? Это сон? Я разговариваю во сне? Надо проснуться!!!

...И я проснулся. Опять, скажете вы. И будете правы. Может показаться, что сон – это мое нормальное состояние. И я больше времени провожу, поживая в объятиях грез. Но это совпадение чистой воды, говорю я вам. И себе. Я никогда столько не спал. Это все нервы. И мой мозг. Они вдвоем не испытывали прежде такой нагрузки. И теперь у них постоянный shut down. Бесконтрольный. А мне разрешается только наблюдать и ничего руками не трогать. Иначе все выходит совсем не так, как я себе напридумывал. Мир вокруг вообще взбунтовался, отделился от меня и живет своей жизнью, по своим собственным законам. Вам так не показалось? А мне вот да! Все чего хотят, то и делают, не спрашивая моего позволения. Или хотя бы согласия. Вообще даже не предупреждая. Руки, ноги, голова, мысли, люди... даже машина. У всех своя жизнь, я внутри нее, но от меня ничего не зависит. Я ошибочный код. Мелкий двоичник его коряво написал, умный дяденька исправил, но вот эти мои несколько байтов информации вычистить не удосужился. И теперь программа пашет как дурная, а я в ней торчу и ни за что не отвечаю. И самое страшное – повлиять ни на что не могу. Ни остановить, ни запустить, ни переделать. Не говоря о том, чтобы исправить хоть что-то.

...Hello? Dolly...

– Радио – вот еще это! Что пристало ко мне? Долли... Дол-

ли...

И тут меня осенило.

– Точно! Долли! Я буду звать тебя Долли! Моя Долли цвета слоновой кости! По-моему, красиво! Ты как думаешь?

Песня закончилась, и женский голос томно произнес.

– В Москве полночь. В эфире радио Романтика...

– Ничего себе! Полночь? Это сколько же я спал? Часов десять?

Заиграла «Серенада Солнечной долины» Глена Миллера. Я полез за телефоном. Ни одного пропущенного вызова. Ни одной СМСки. Я же говорю: «Про меня забыли. Все! Даже моя Милена со своею шубой! Я в этой машине как в бункере!.. “ У меня зашевелились волосы.

– Подождите... Это выглядит так, словно это ты все делаешь? А ну-ка...

Я схватился за ручку настройки, чтобы найти другую волну. Доказать, что это всего лишь на ладан дышащий приемник. И управляю им я! Я и никто иной! Несколько оборотов в обе стороны. Переключение кнопок. Радио зашипело и заглохло.

– Да ну нах... Не может быть! Или я совсем тронулся своим скудным умишком! Говорили мне: нельзя смотреть столько фэнтези перед сном! А может, я до сих пор сплю? Вдруг я вообще еще не просыпался? А если я все еще в позавчерашнем дне и только собираюсь купить машину? Это бы все исправило. Это было бы совсем другое дело! Значит, я

сейчас просыпаюсь. Милена готовит мне завтрак. Я уезжаю на работу, а с работы ни к какому Григорию не еду. А напрямиком к своей любимой... и мы покупаем ей шубу...

Струя воды ударила в левый бок «Волги». Мир за окном поплыл и завибрировал, окрасившись в оранжевый цвет. Мимо проехала поливальная машина и окатила нас с «Волгой ГАЗ-21» водой. Освежили на ночь глядя.

– Значит, это не сон... Значит, все это уже произошло... И по волшебству ничего не наладится... А было бы здорово. Сон обо сне, в котором снится то, что мне приснится в будущем... Долли... Долли... Долли, говоришь? Надо искать ночлег, Долли. Гостиницы мне не по карману. А вот хостел подойдет.

Порывшись по интернету в телефоне, я нашел недорогую ночлежку. Но перед тем, как выехать, вышел из машины и устроил небольшую разминку. Ночная прохлада взбудорила. Пробежка вокруг автомобиля разогнала кровь. Приседания и наклоны согрели мышцы и придали им гибкость. Суставы долго не хотели гнуться и разгибаться. Но им пришлось сдаться, несмотря на их протестующие скрипы и ворчание. Дальнбойщики с проститутками, услышав песню «Hello, Dolly» в моем оригинальном исполнении, сделали паузу в своих забавах и с интересом наблюдали за ночными экзерсисами полоумного парня в офисном костюме на обочине Москвы. Закончив разминку под одобрительные аплодисменты, мигания фар и сигналы припаркованных грузовиков,

я выехал на МКАД. Ночная дорога. Свободна и умыта. Что может быть прекраснее.

– Понятное дело, что сна ни в одном глазу, выпался на пятилетку вперед, а привести себя в порядок просто необходимо. Перед завтрашним рабочим днем. Представляю, на что похожа сейчас моя одежда. Целый день в машине просидеть... У меня вот вопрос. А почему, собственно, Долли? Почему не Газель? Ты же все-таки ГАЗ. Значит, Газель! Давай, я буду звать тебя газель. Или Гюзель? По-восточно-му. Чтобы никто не догадался!.. Чего молчишь?

Я опять поклацал клавишами. И радио ожило. Внезапно и очень громко. Так что я вильнул рулем и едва не врезался в обгонявший меня «Жигуль-Копейку».

...I've been living next door to Alice

Twenty-four years just waiting for the chance...

– Да епта! Чего так орать? Чуть не врезались!..

...To tell her how I feel

and maybe get a second glance...

Я сделал звук потише.

– Элис? Это твой вариант? Элис? Чересчур, по-моему! Слашаво! Даже «Жигули» и те подскочили от неожиданности. Долли больше подходит. Раз не хочешь Гюзель, будешь Долли. А ну, давай догоним эту «Копейку». Догоним и перегоним. Нечего над нами насмехаться.

И я надавил на газ, удерживая рукоятку скорости, дабы не получить по коленке. Запел Клифф Ричард. «Miss you

nights».

– Все-таки ты неисправимая романтик. Не хочешь гонять? А я хочу! – педаль акселератора ушла еще глубже. Машина загудела и начала набирать обороты. «Жигуль» мы благополучно обогнали и съехали на Дмитровское шоссе.

26 часов. 120 километров

В хостеле ничего примечательного не произошло. Кроме того, что ночевал я в подобном месте впервые в жизни. Как выглядят другие хостелы, я не знал, поэтому и сравнивать было не с чем. Так что я даже не могу сказать банальную фразу «Хостел как хостел, ничего необычного». Потому что необычным тут для меня было все. Он находился в офисном здании. Единственным ориентиром была надпись «ХОСТЕЛ» на стрелке, на которой обычно пишут «БОМБОУБЕЖИЩЕ». Вход был там, где обычно находится пожарный выход... Или эвакуационный, что ли... Да леший его знает... Какая между ними разница? Не важно... Сюда стекается офисный планктон покурить. Ни тебе парковки. Ни метр-дотеля с зонтиком. Одним словом, задворки. Рядом с мусорными баками. Что, в принципе, логично. Мусорные баки – это следующий этап падения к подножию социальной лестницы. Но я все-таки рассчитывал выкарабкаться из этой ситуации. Не став примиряться и зацикливаться на изучении размеров пластикового контейнера, я обнаружил на двери кнопку звонка и, естественно, позвонил.

– Слушаю вас? – ответил сонный голос.

– Это хостел?

– Хостел «Незабудка». Вы бронировали...

Вопрос был поставлен ребром и завел меня в тупик.

– Нет... а надо было? Дело в том, что я впервые...

В двери щелкнул замок, и я воспринял это как приглашение войти. Меня встретило полумрачное служебное помещение типа «маленький склад забытого хлама». Строители побросали тут свой инвентарь и были транспортированы на новое строительство года два назад. «Незабудка» была молодым хостелом. Ступени каменной лестницы еще забрызганы белилами. И так как тут ресепшеном и не пахло, а пахло известкой, битумом и акриловыми красками, то я решил подняться выше. Первая дверь, которую я встретил, красовалась светящейся надписью «Эвакуационный выход»... Все-таки эвакуационный, да? Но она не поддавалась на мои уговоры. Отсюда можно было только эвакуироваться, но никак обратно... Я решил испытать удачу и подняться еще выше. Не на лестнице же спать, в конце концов. Это была бы действительно «Незабудка» на всю жизнь. Тут меня ожидала нечаянная радость. Тоже дверь. Но над нею поверх светящегося табло, вы уже знаете с какой надписью, был наклеен белый малярный скотч с каракулями красного маркера «Хостел „Незабудка“». Получалось оригинально и очень даже двусмысленно. Если не сказать, с подтекстом. На дверном косяке еще один звонок. Прямо за семью печатями ночлежка. Я нажал на кнопку, поддавшись инстинкту исследователя. На сей раз никто меня ни о чем не спрашивал. Сработал замок, и я потянул ручку на себя.

Светлый, вполне себе, офисный коридор. По обе стороны

закрытые двери, на которых, вместо номеров, открытки цветов с названиями. «Гладиолус», «Нарцисс», «Лилия», «Настурция», «Анютины глазки» и, почему-то «Баобаб». Быть может, это был кабинет хозяина, а может и ВИП апартаменты. Заканчивался коридор небольшим холлом. В середине длинный стол для конференций. У правой стены кухонный гарнитур с раковиной, электрочайником и микроволновкой. Слева большие окна, которые показывали ночь. Прямо телевизор, который показывал, как расчлениют очередного зомби. Почти без звука. Наверно, чтобы не тревожить жильцов. Перед экраном кресло руководителя и пара диванов, стоящие ко мне спинками. Должно быть, зона отдыха и развлечений. Скорее всего, по проекту в этой комнате подразумевалась переговорная. Но владелец сей недвижимости решил, что ночлежка будет выгоднее. Не мне судить. Мне бы принять душ, выпить чаю. Немного вздремнуть и... больше сюда не возвращаться. Для этого надо найти хоть кого-то живого. Не думаю, что тут настолько все автоматизировано и кровати застилают девушки-роботы.

– Простите... – осмелился я привлечь к себе хоть чье-то внимание.

Недоеденный герой хоррора застыл на плазменной панели. Из-за диванов показались всклокоченные головы с красными от кошмаров глазами. По два человека на диван. Кресло руководителя обрело ноги в гетрах и, перебирая ими по полу, повернулось ко мне. Избушка, избушка, повернись

к телевизору задом, а ко мне... В кресле восседала бабушка с вязанием на коленях.

– Хде жа ты застрял, милый? Ждем тебя, пождем... Може, думаю, дверью ошибся, аль просто проказник... Ты проходи ближе.

Я сделал несколько шагов вперед.

– Мне бы комнату...

– А тута комнат нету, милый... Тута койки... Энто хостель... «Незабудка»...

– Ну, да... Конечно, койку. Не так выразился.

– Чаю-пива будешь? За андельную плату...

– Нет, спасибо! Мне бы душ принять и отдохнуть...

Головы исчезли за диванами и продолжили наслаждаться кулинарными ужасами в исполнении ходячих мертвецов. Бабуля слезла с кресла и прошаркала ко мне.

– Душ общий... тама, хде бабаб...

– Баобаб?

– Да хрен его разберет. Растет себе и ландо. Тама он. Душ. И умывальник тоже. И клозет. А спать будешь в «Наструцах»...

– Настурциях?

– Один хрен, трава. Растет себе и ладно... Койка нумер шесть.

– Ключик дадите?

– Какой такой? Там открыто...

– Ну, да... Спасибо... А полотенце?

– На койке...

– Спасибо... Я пойду....

– Деньгу вперед, пожалуйста.

Про деньги-то я и забыл. Но бабулька свое дело четко знала.

– Картой можно расплатиться?

– Отчего же нельзя? И картой можно, и кэшем, и телехвонном. У нас по-современному все. Пожалуйста к кассе...

Женщина подошла к кухонной зоне. Достала из кармана ключик, открыла дверцу верхнего шкафа и извлекла оттуда терминал.

– Пожалуйста... – набрала она сумму и протянула мне аппарат.

Я скрепя сердце и обливаясь в душе слезами приложил свою кредитную карту. Телефон в кармане просвистел, оповещая о снятии суммы.

– Эка! Чей-то он у тебя свистит? Денег не будет! – прокомментировала бабуся и протянула чек.

Я вздохнул.

– Спасибо!

И пошел в «Настурцию».

– Токма свет не включай. Спят тама.

– А как же? – опешил я.

– Телехвон у тебя имеется. Экранчик зажжешь.

– Да! Спасибо.

– И ента... этаж у тебя, милоч, второй! Не рухни там

на Боря. А то не ровен час...

Бабуля не договорила и, развернувшись, пошла к телевизору.

– Чевой-то я пропустила интересное?

– Ничего, Марфа Егоровна. Только Джона съели.

– Ох, батюшки! Так ему и надо...

Дверь тихонько открылась. По совету бабушки, я включил экран телефона и осветил комнату. По стенам небольшого офиса стояло четыре двухэтажные кровати. Все спальные места были заняты. Народ мирно спал и видел сны, тихо посапывая. Хорошо хоть, никто не храпел. Моя койка находилась в дальнем правом углу. Обойдя журнальный столик в центре комнаты, я добрался до своего временного пристанища. Полотенце лежало на подушке. Внизу кто-то заворочался. Я слегка направил свет экрана и чуть не уронил телефон. Прямо у моих ног лежал человек-гора. В черных носках, трусах под гжель и белой майке. Это был Боря. Он лежал на правом боку, лицом к стене. Его плечо размером с мою ляжку обвивал китайский дракон. Руки по-детски сложены под головой. Боря улыбался во сне пухлыми губами. На вид ему было лет тридцать. Права была Марфа Егоровна. Не дай боже упасть на такого. Он ведь тоже может в ответку упасть на тебя. А это будет уже совсем другой разговор. Чтобы не искушать свою и без того покусанную судьбу, я выключил телефон. Взял полотенце и на ощупь, в свете луны вышел из комнаты.

Искупался в душевой кабинке. Получил максимальное удовольствие в минимальных для этого условиях. Выходя от Баобаба, услышал тихие ахи со вздохами и животным мычанием. Неужели до сих еще не все обглодали? Обернулся. На экране бушевала оргия с участием всех полов и рас. Кто наслаждался этой картиной в кинозале, было не видно. Но бабушка Марфа Егоровна точно присутствовала. Ее полосатые гетры болтались, как качели, из-под кресла шаркая тапками по полу. Я не стал дожидаться финала видеонovelлы о неудержимой человеческой любви и отправился спать.

Подходя к двери, понял, что уснуть мне сегодня уже не грозит. Через тонкую стену раздавался дикий храп. Казалось, что лепестки Настурции содрогаются при каждом вдохе.

Передо мной встала дилемма. Насладиться высокохудожественным визуальным рядом сношающихся тел или вкусить блаженства от аудиосопровождения сна милейшего Борюнчика. Я выбрал второе. Не знаю, почему. Вошел в комнату, как в клетку к разъярённому тигру. Все спали, и на удивление крепким сном. Под колыбельный рев Бориса. Народ, привыкший и не к таким катаклизмам. Время три часа ночи. Рассвет прорисовывал розово-голубым свечением крыши домов. Я выглянул в окно. И увидел свою Долли. Она подмигивала мне желтым огоньком. Или это они перемигивались со светофором на перекрестке. Не важно. Невольная улыбка приподняла края моих загрустивших губ, и мне ста-

ло безразлично все окружение, что могло доставить хоть какой-то дискомфорт. В фешенебельном отеле я или в дешевом хостеле, осталось мен спать сто часов или всего три, храпят у меня под боком или я оглох на оба уха, есть у меня деньги на завтрак или я скукожусь от голода, буду спать я в теплой кровати или проведу ночь в машине... Все это не имело значения, потому что я обладал своей мечтой цвета слоновой кости. Никуда не торопясь, я забрался на свою верхнюю полку номер шесть. Укрылся одеялом... и, вы знаете, опять уснул.

32 часа. 120 километров

Проснулся я от странного чувства внутренней пустоты... Или окружающей тишины. В первый момент это было не так очевидно. Но как только я сел на кровати, свесив ноги, стало понятно, что никто не храпит. И не потому, что Боря повернулся на другой бок и замолчал, а потому, что в комнате кроме меня никого не было. Неужели я проспал весь день? Экран телефона поставил меня перед неоспоримым фактом: 6:45. И прошу вас заметить, утра. Потому что иначе это было бы 18:45. Уж в этих делах я научился разбираться. Так я рассудил, и это стало для меня неожиданностью. Такая рань, а народ уже разбежался. Одевшись, я вышел в тихий коридор. И даже телевизор не говорил по своей привычке, а только показывал горящие синим пламенем леса... но где-то очень далеко... где-то там у них. А у нас было 7.00 и плюс 22 за окном.

– Милок, такмо весь день проспять можно! – раздалось ворчливое за спиной.

– Доброе утро, Марфа Егоровна!

– Кому утро, а кто и не ложился еще... Кофей-чаю, будете?

– Ааа... – хотел я спросить об оплате.

– За андельную плату. Хош кэш, хош картой... Как хош... У нас современный хостель. «Незабудка».

– Нет! Спасибо! Я не буду... – рассчитывал я дотянуть до офисной столовой, где можно брать в кредит.

– Как хош тады...

Марфа Егоровна прошла мимо меня и, усевшись в свое директорское кресло, развернулась к телевизору. Ее ноги в гетрах сложились, как шасси у самолета, и она отправилась в полет по бескрайним просторам эфира.

– Простите! А уют...

– За андельную плату...

– Хош кэш, хош картой... – закончил я про себя.

Оглядев свой костюм, убедился, что за ночь он отвис и смотрелся вполне даже себе ничего. Пристойно, можно сказать. Или я себя в этом убедил? Что, в принципе, не имело особой разницы. Мы то, что являем миру как сформировавшийся индивид. И важно то, как мы себя ощущаем и, соответственно, подаем на всеобщее обозрение. А вот эти брюки, рубашки, галстуки и пиджаки – только лишь обманчивая обертка. Фантик. Хотя, конечно, по нему встречают. Но там, куда я еду, то есть к себе в офис, меня имели счастье лицезреть и не в таком виде. Вы не подумайте, что я хожу на работу как поросенок. Милена очень даже смотрит за мной... Смотрела... Просто в прошлом году вся наша компания занималась тимбилдингом в Египте... А там, сами понимаете, в костюме только до первого теплового удара, а потом кто в чем, лишь бы поменьше. Так что не костюмом единым, так сказать... Хотя погладиться не мешало бы!

– Досвидании! – крикнул я.

– ...Пробки семь баллов! – вместо бабушки ответил мне диктор, которому прибавили громкость.

Выходя на лестницу, я развлекал себя фантазиями о том, как Марфа Егоровна, оставшись, наконец, одна на весь hostel, гоняет по коридорам в директорском кресле, размахивая метлой и крича при этом:

– Хош кэш, хош карта... Токма за андельную плату...

Я вышел на улицу. Повернул за угол и подошел к своей ненаглядной.

– Доброе утро, Долли! Как тебе спалось?

Сев в салон, первым делом я хотел включить приемник. Но чуда не произошло. От прикосновения моих рук и по моему желанию в этом автомобиле мало что происходило. Строптивный характер. Недаром меня предупреждали, с норовом агрегат. Но надежду на слияние моей души и ее двигателя внутреннего сгорания, в поэтическом смысле, конечно, я не терял. Тем более, что искра между нами все ж таки иногда пробегала. Главное – руль крутится, тормоза тормозят, коробка передач передает, а остальное на скорость не влияет.

Ехали мы долго и печально. Она молчала. Скромничала или пыталась освоиться в этом бешеном ритме московских пробок. Я же молча нервничал, потому как впервые в своей жизни ехал утром, на работу, за рулем своего собственного авто. И Москва с этой точки зрения выглядела совершенно иначе, нежели из вагона метрополитена. Совсем не друже-

любной и отнюдь не гостеприимной, и совершенно не знакомой. На навигатор было страшно смотреть. Он покрылся кровавой паутиной. Город затягивал в свои сети и пил человеческие души, предварительно парализовав ложными обещаниями и отравив соблазнами... Но отчего-то было так сладко погибать в нем. За рулем собственного автомобиля, в обществе таких же счастливых безумцев, прибывающих в блаженном неведении. Незнакомое мне прежде возбуждение горячило мою кровь. Будоражило мои фантазии. И гоняло мурашки по спине. Хотелось кричать и плакать от счастья одновременно. Я вертел головой по сторонам и улыбался всем, с кем встречался глазами.

Так, собственно, по истечении двух счастливых часов мы доползли до офисного центра.

34 часа. 200 километров

– Чтобы въехать на подземную парковку, нужен пропуск, – ответил мне хриплый голос из переговорного устройства у шлагбаума.

– Но я тут работаю!

– Тем более должны знать...

– Я первый раз... На своей машине...

– Сочувствую, но ничем не могу помочь!

– Да мне не надо сочувствовать и помогать. У меня все хорошо было, пока я сюда не доехал. Мне на работу надо.

– Паркуйтесь и работайте!

– Так вы меня впустите, я и припаркуюсь!

– Без пропуска не положено. Освободите проезд!

– А машину я куда дену?

– На общей парковке перед зданием...

– Так ведь там платно!

– Освободите проезд!

Раздался щелчок, который означал конец аудиенции. Кое-как сдав назад, я вырулил опять на улицу и въехал на общую парковку.

– Ничего! Сейчас узнаю у нашей секретарши, где взять пропуск, заеду на паркинг и нагазую под будкой у этого подземного королька.

Взяв кофе в нижнем фойе в кредит, я поднялся на четыр-

надцатый этаж. В кабинке лифта, рассчитанной на двадцать пять человек. Обычно тут бейджику негде было упасть. Но сейчас я стоял посредине этого стального зеркального зала в полном одиночестве. Это было непривычно и... не означало ничего хорошего. Во-первых, я имел возможность осмотреть со всех сторон свой помятый костюм. А во-вторых, я понимал, что опоздал. Рабочий день начался один час десять минут назад. Об этом с упреком кричали покрасневшие от надменности часы на цифровом табло.

Один час и одиннадцать минут от Начала Рабочего Дня.

Один час и двенадцать минут от Н. Р. Д.

Две тысячи там какой-то год от Р.Х.

Один час и пятнадцать минут от Н. Р. Д. Четырнадцатый этаж.

– Дзинь! – сказали двери лифта, как микроволновка, которая разогрела еду.

Я был готов. Можно подавать. Только берегите руки. Рискуете обжечься.

При виде меня у секретарши Лидочки глаза округлились и ресницы захлопали так, что едва не отклеились. Она явно хотела меня предупредить. Я это понял по ее отвисшей челюсти. Но Лидочка не успела. Я преподнес себя на блюдечке, прямиком в руки нашего шефа. «Повар» он у нас был отменный. Шкуру имел огнеупорную. Горячие пирожки тягал прямо из печи. Или из-за пазухи начальства. Как вам будет угодно. Так что проглотить мою разогретую от волнения,

персону, предварительно обработав ее в лучших традициях офисной кухни, ему было раз плюнуть.

После череды хлестких, с оттяжкой, ударов молотом русской изящной словесности, наш шеф-«повар» приготовил из меня восхитительную отбивную. Потом поперчил легким матом 16+. И в конце немного посыпал соли на мои душевные раны:

– ...А еще я никак не дождусь от вас аналитики за прошлый месяц! Вы явно занимаете чужое место! Благодарите Натана Семеновича, что я вас до сих пор не уволил!

Все происходило в режиме местного реалити-шоу «Это может случиться с каждым». На глазах оцепеневших сослуживцев -полуфабрикатов, возносивших, в душе, хвалу небесам, что сейчас не они попали под руку босса. Некоторые смотрели с сочувствием. Кто-то с жалостью. Со страхом. А были те, кто откровенно злорадствовал. И даже не мог сдерживать радости. Натан же стоял за спиной Виктора Николаевича, и на его лице, кроме подобострастия, явно читалось: «А я тебе говорил, Серега!».

Кулинарная казнь закончилась. Шеф развернулся к лифту и нажал кнопку вызова, демонстрируя свою грозную спину в пиджаке от HUGO BOSS. Повисла пауза. Никто не смел пошевелиться. Все ждали, глядя на цифры над стальными дверьми. Кабина шла с третьего этажа. Остановилась на седьмом. Виктор Николаевич шумно вздохнул. Все как один перестали дышать. Словно огромные легкие начальни-

ка выкачали весь кислород в помещении. Сотрудники смотрели то на табло, то на мерно дышащие мощные плечи.

12.

13.

14.

– Дзинь! – распахнулись створки лифта.

– Работайте! – сказал босс, вошел в кабину и не поворачиваясь нажал кнопку этажа.

– Дзинь! – закрылись створки микроволновки.

Офис вздохнул с облегчением. Все потихоньку расползлись по своим норам. Кто за кофе, кто за чаем, кто за валидолом. Мне нужен был таксидермист. Или реаниматолог? А может, психотерапевт? В общем хоть кто-то, кто бы мог привести меня в чувства. Или в чучело. Или посочувствовать хотя бы, без лицемерия, фиги в кармане и всякой фигни в голове. Я отправился в свою клетку в дальнем конце опенспейса без всякой надежды встретить такого добровольного камикадзе на своем пути. Медленно шаркая по ковролину и тупо смотря на затоптанный ворс краями своего неплохо развитого периферического зрения, я видел, как народ, заметив мое приближение, резко погружается в работу, скрываясь за перегородками одноместных окопов. Сегодня я был прокаженным. Общаться со мной опасно. Можно, заразившись, накликать беду на себя и стать следующей жертвой на обед. Если считать, что я был завтраком.

А вот и мое гнездо. Компьютерный стол. Незаконченный

отчет... Точнее, не начатый. Стакан с карандашами и ручками. Коробка с разноцветными скрепками и ластиками с мордами Микки Мауса. Календарь на стенке. С фазами полнолуния. «Для оборотней» (Шутка Натана). Рядом свадебная фотография. «Что она в тебе нашла?» (Опять шутка Натана). Милена улыбающаяся. «Она меня любит» (Мой ответ Натану). Милена в раздумьях. (Теперь, я думаю, шутка Натана будет актуальна.) Моя фотография с нарисованными ушами. (Автор шутки неизвестен.) Грамота с Египетского тимбилдинга «Победитель конкурса „Самый обгоревший“». И позавчерашняя чашка недопитого кофе. Так спешил за машиной, что не убрал за собой. За машиной... Ах, да! У меня же теперь есть машина. Моя собственная машина. Моя Долли!

– И теперь никто, слышите меня, НИКТО, не сможет втоптать меня в грязь и вытереть об меня ноги. Никакой там босс в HUGO, мать его, BOSS. Не вам одним дано такое счастье разъезжать за рулем собственного авто. Хотите вы или нет, я теперь тоже в вашем клубе. И вы должны признать этот факт как данность. Так что оставьте свои злопыхательства при себе. Я такой же полноправный участник дорожного движения. Со своими правами. Несмотря на то, что они куплены. Но и обязанности у нас тоже одинаковые. Соблюдать правила движения! Независимо от того, на чем вы там ездите. У вас «Бентли»? А у меня моя Долли! И мы равны перед светофором и стоп-линией!

Так мне хотелось прокричать на весь офис. Чтобы те,

кто считал меня неудачником, поняли своим куцым умишком, что отныне все измениться. И не в их пользу. Я теперь сделал шаг на следующую социальную ступень. А то может и несколько шагов. Думаю, даже с десяток. Я повысил свой статус. И не только потому, что на парковке стоит мой автомобиль. А главное, что я смог его приобрести. И вот когда вы узнаете об этом, будете тоже спрашивать меня:

– Как твоя машина, Сергей?

А я развалюсь вот так вот, вытянув ноги, в своем офисном кресле и отвечу так вот улыбаясь...

– Как твоя машина, Сергей?

– Что? – не понял я и непроизвольно выпрямился.

Фантазия материализовывалась. Все происходило на самом деле. Здесь, со мной и сейчас. Аж дух захватило и вскружило голову, как в аэродинамической трубе.

– Машина твоя... Как доехал?

– Машина? – я крутанулся на 180 градусов.

Натан стоял рядом со входом в мою ячейку.

– Да, машина. Ты же на ней сегодня приехал?

– Машина? – из-за перегородки появилась лысая голова вчерашнего студента Макса, который даже скутер купить себе не мог. Но он тоже грезил о собственном авто.

– Машина? Ты купил себе машину? – глаза Макса вспыхнули, как свечи на праздничном торте.

– Да, Макс! Купил! – осознание собственной значимости потянуло мои краешки губ к ушам.

– Фига се! – огромная белая, как раскаленное солнце пустыни, зависть осветила бритую голову соседа. – А какую?

– Да, Серега! Какую? – снисходительно улыбался Натан.

Я уже готов был ответить, но подлый червячок подозрения перекусил нейронную связь в моем мозгу и поток безоблачного счастья оборвался.

– А откуда ты знаешь, Натан?

– Что?

– Что я купил машину. Я же никому еще не сказал!

Натан пожал плечами. С улыбкой посмотрел мне в глаза. Поправил прическу у правого виска. И спокойно ответил.

– Чудак, я видел тебя из кафе. Как ты парковался и выходил. Ты нормально водишь. Уверенно!..

Окна кафе шестого этажа действительно выходили на уличную парковку. Но подозрительность рассеялась не до конца.

– А что ты делал в кафе в это время?

– Да забейте вы! При чем тут кафе? – Макса разрывало от нетерпения. – Далось вам это кафе! Парни, вы слышали, Серега машину купил! – прокричал Макс на весь офис.

– Машина какая? – повторил он вопрос.

– Машина?

– Серега?

– Купил?

Пронеслось по этажу. Из разных уголков потянулись равнодушные.

– Колись, Серега! Чего за машина?

– Вот тихушник, купил и молчит!

– Обмывон зажать хотел!

– Эй, все сюда, наш скромняга машину купил!

Волна всеобщего любопытства подхватила меня и подняла над всеми подозрениями, суетой и скукой. Гордость расперла грудь так, что не хватило бы вселенского счастья для того, чтобы заполнить весь образовавшийся объем моих легких. Вокруг клетки собрался весь офис. Сотни пар глаз жадно разглядывали меня как некое чудо преображения. Я изменился в их глазах. Сотни ртов вопрошали наперебой, словно я был Оракулом. Я стал другим человеком. Я не испытывал на себе такого количества внимания с тех пор, как упал в фонтан после институтского выпускного. И разве не этого я хотел?

– Тихо! – скомандовал Натан. – Дайте же Сергею рассказать! Какая машина?

Офис утонул в тишине. Только на ресепшене звонил телефон. Но это было где-то далеко. В другом мире. Я огляделся вокруг. Сглотнул ком стеснения. Хлебнул позавчерашнего кофе и ответил:

– Долли... Э, то есть, «Волга»!..

Телефон на ресепшене смолк.

– Что он сказал? Я не расслышала... – из-за спин раздался голос Лидочки.

– «Волга»? – переспросил Макс, не веря своим ушам. –

Ты сказал, «Волга»?

– Да. «ГАЗ-21»... – ответил я.

– Эт чё за машина... – прошелестел неузнанный шепот.

– «Волга», говорит. Я толком не понял... – прошелестело в ответ.

Я молчал, не зная, как реагировать на происходящее. Эффект неожиданности превращался на моих глазах в Сизифов камень и начинал катиться в обратную сторону.

– «Волга»! «ГАЗ-21». Вы что, не знаете? – проговорил громче Натан. – Вот неучи!

– Да... – неопределенно отозвался я.

– Я-то думал, – прозвучал удаляющийся голос.

– Какая-то вглаз-21... Чего это... – еще одна потеряла интерес.

– Металлолом купил и радуется! – задние ряды редели.

Тем, кто стоял впереди, было неловко. Вроде как сбежались на сенсацию, а сейчас сразу уходить? Хотя нашлись и такие.

– Да ну его! Тфу, без бортового компьютера! – плюнул за IT группы Сеня. – Я ради этого раунд в «Контре» бросил...

– Там даже стеклоподъемников нет, не говоря уже о кондиционере... – ушел Гриня-маркетолог.

– Серега, ты не шутишь? – Макс не хотел верить в услышанное. – Да ты гонишь!

И тут мне стало обидно. За все сразу. За себя! За Долли! За свою мечту! За то, что начальник наорал при всех. За Ми-

лену с ее шубой. За глупость мою и инфантилизм. За двойку по русскому языку в третьем классе. За то, что родители мечтали увидеть меня человеком, но я не оправдал их надежд. За время, что я потерял в институте, выучившись не на того, и теперь вот просиживаю тут свои штаны. За то, что я вырос и никогда уже не стану ребенком... Мне стало обидно до слез.

– Да, я купил «Волгу ГАЗ-21». 1968 года выпуска. Это прекрасный автомобиль. Лучше любого современного. Таких сейчас не делают. Вы ничего не понимаете. А это мечта моя! С детства...

Я почти кричал вслед расходящимся сотрудникам, одетым в броню снобизма. Макс и еще человек десять стояли вокруг меня. Натан подошел ближе и положил руку на плечо.

– Ты не нервничай, Серега. Успокойся. Не всем же дано понять поэзию твоей души. А вот ты сказал в самом начале – Долли. Почему?

– Потому, что ее так зовут!

– Кого? – лысина Макса покрылась капельками пота. – Кого так зовут?

– Мою машину! – ответил я и еще раз выпил позавчерашнего кофе.

– То есть, ты хочешь сказать, – Натан шагнул назад и облокотился спиной о перегородку моей ячейки, раскинув свои руки по верху, – что купил машину, которую прежний хозяин называл Долли?

– Нет! – я оглядел лица тех, кто еще не ушел, опустил глаза и тихо произнес: – Это я...

– Что? Я не понял! – переспросил Никита-охранник, еле сдерживая улыбку.

– Он машину Долли назвал! – кто-то уже смеялся в голос.

– Долли-фиголли! Какого хрена? – смех накатывал лавиной.

– Консервная банка Долли!

– Умора! Вот отчебучил!

– А почему не Шмолли?

– Потому что Шмолли – это шевроле!

– Да один хрен! Утиль!

– Это фамилия ее такая – Утиль! Долли Утиль!

Волна смеха унесла с собой остатки обиды, обнажив холодный камень злости. Я стиснул зубы с таким скрежетом, что Макс, находившейся ближе всех, перестал смеяться и поморщился.

– Да, ее зовут Долли! Потому что она живая! Она понимает меня! Она два раза спасла мне жизнь, ударив по коленке...

Я пытался объяснить свои чувства тем, кто лицемерно называли себя моими коллегами. А в ответ видел лишь насмешки клоунов.

– Она его по коленке ударила... Разваливается на ходу Долли... По какой дороге ты едешь? Чтобы нам не пересячься...

Хотя клоуном для них был, конечно, я. Я, который каж-

дому из них кричал в лицо.

– В ней больше человеческого, чем в вас вместе взятых. Она слышит меня! И отвечает через радио...

А они еще больше погружались в бездну безумного хохота. Валились на пол, держась за животы. Только Натан продолжал молча стоять, снисходительно улыбаясь.

– Натан! Ты же понимаешь меня? Ты же мне веришь?

Я искал у него поддержку, но в его глазах виднелось только безысходное сочувствие. Я увидел себя его глазами. Увидел, насколько я жалок в этих своих откровениях. Насколько нелеп в своем желании достучаться до всех, кто окружает меня. И я опустил руки. И замолчал.

– Соберись, чувак! – голос Натана был холоден, как клинок дамасской стали.

Он взял меня за плечи и как следует встряхнул. Словно тряпичную куклу.

– Перестань молоть чепуху, мой тебе совет...

Но Натан не успел договорить.

– Что тут происходит? Это что за цирк? Вы тут все в своем уме?

По коридору надвигались шаги командора, то есть шефа.

– Вы что себе позволяете? Балаган...

Виктор Николаевич шел напрямиком на меня.

– Внизу какая-то рухлядь орет своей сигналкой на всю парковку. Мне сказали, нашего работника... Я поднимаюсь сюда, и что я вижу? Летер (это кстати фамилия моя), вы,

значит, вместо того чтобы погрузиться в работу с головой, устраиваете тут черт-те чё!

Послышались нервные смешки.

– А ну, цыть! – рявкнул шеф.

Смех затих. Сотрудники утирали слезы и приводило себя в порядок.

– С вами, Сергей, я сейчас разберусь! Но для начала мне ответьте, чья это машина там надрывается?

Взгляды коллег обратились ко мне. А меня внезапно окутало безразличие. И в нем стало так тепло и уютно. Как под пуховой периной. А главное, спокойно. И я понимал, что это моя Долли надрывается там на парковке. Она зовет меня. А значит, она и правда меня чувствует и хочет вырвать из этого гнилого окружения. Это придало мне силы. С чувством уверенности в своей правоте я посмотрел на Натана и шепотом спросил:

– Убедился, что она живая?

Он сочувственно улыбнулся краешком губ. Я поправил галстук и обратился к боссу:

– Это моя машина!

– Ничего удивительного, должен вам признаться! – ответил Виктор Николаевич. – Вся в хозяина. Идите и разберитесь там. А потом возвращайтесь! Наш разговор еще не окончен.

Я направился к лифту. Прошел мимо начальника, не испытывая ни страха, ни стыда. Но странное чувство прибли-

жения неизбежного, его острой холодной грани, нарастало с каждым шагом. Словно струна, натянутая на пределе возможностей, готова была оборваться в любую секунду.

– И приведите себя в порядок! Вас как будто вытащили из задницы!

Я обернулся.

– Приведу.

Шеф пожал плечами в ответ на мою дерзость и ушел дальше по коридору с чувством выполненного долга. Как палач с площади после публичного аутодафе. Разве что не раскланялся напоследок.

Я стоял в ожидании лифта, обтекая на виду у всего отдела. Как я вам и обещал в самом начале моего появления в офисе, шеф-повар меня все ж таки съел. А потом выплюнул. И не один раз. И не только он. Нет, сначала, конечно, он, потом доглодал весь отдел, а потом он опять дожевал. Трижды съеденный за один день. Это перебор.

– Дзинь! – приехала микроволновка.

Я поехал вниз. К моей Долли.

И как только двери раскрылись, я побежал изо всех сил.

Она кричала и моргала фарами в окружении охраны и нескольких зевак.

– Пропустите меня! Это моя машина! Пропустите!

Как только я подошел к двери и повернул ключ в замке, машина тут же замолчала.

– Все в порядке! – сказал я и сел в автомобиль.

Зрители стали расходиться.

– Разберитесь со своей колымагой! – крикнул охранник напоследок. – Следующий раз вызовем эвакуатор!

– Хорошо! Спасибо! – ответил я, захлопывая дверь. – Ну, и что? И что ты тут устроила? Неужели тебя нельзя оставить без присмотра? Это же безобразие! Или ты меня защищала? Да? Если бы я услышал, что ты меня зовешь, ничего бы этого не было! Долли... Какой кошмар! Тупость...

И тут струна оборвалась. Та самая грань, приближение которой я ощущал каждым своим рецептором, была гранью, за которой я рухнул в истерику. Как в пропасть. Я летел и не мог остановиться.

– Сука! Сука! Сука! – колотил я по спинке пассажирского кресла. – Я опять разговариваю с машиной! Ахренеть! Лечить меня надо! Срочно! Что со мной? Что? Дурак! Дебил! Скоты! Твари!

Кресло было слишком мягким. Нужна боль. Чтобы прийти в себя. Как от пощёчины. Боль физическая, которая затмила бы внутренние страдания... И я начал колотить по рулю.

– Идиот! Сдохни! Сдохни! Сука!..

И тут мне под ноги упала небольшая пластмассовая панель. Старые защелки не выдержали моего гнева. Из-под рулевой колонки посыпалась пыль. Это заставило меня прекратить самоистязание и экзекуцию.

– Что я делаю? Машина-то тут причем?

Тяжело дыша, я нагнулся за куском пластика. И заметил бумажный сверток. Размером со спичечный коробок. Пожелтевший от времени лист в клетку, сложенный в несколько раз и перетянутый черной резинкой для волос. Такой моя мама собирала волосы в пучок. Не конкретно этой. Нет! Подобной. Вся страна этими резинками делала себе прически. В далеком прошлом. Сейчас таких нет. Я положил загадочный предмет на соседнее кресло.

– Ну, и что это такое? Долли! Ты не знаешь, что это? Явно не вчера спрятанное. И даже не год назад. Сколько же этой штуке лет? Григории точно не оставил бы ничего ценного. Он же даже запаску с домкратом вытащил. Значит, это или затычка, или заглушка, или уплотнитель, чтобы не дребезжало. Или принадлежит прежнему хозяину. Может же это быть ядом от крыс или тараканов? Может! Но это уже паранойя!.. Было бы смешно... А, кстати! Кто был хозяин до Григория?

Документы лежали в бардачке. Я извлек из прозрачного файла СТС. На нем значилось «Копия». Так! Понятно! Оригинал или утерян, или на нем кончилось место для записи владельцев. Сколько же народу каталось на этом авто? Вот почему я раньше не посмотрел? Только я так могу. Не мужчина, а обморок ходячий! Может, она вообще украденная! Вот олух. Выкинул деньги на дорогу. Лишил жену шубы! Отдыха! Себя – семейного счастья. Если еще с работы попрут, а потом в ГАИ машину отнимут, так вообще будет комплект. Самое время почитать инструкцию, то есть СТС, когда все

сломалось. Катомкин Григорий Анатольевич. Это тот, у кого я купил. Он в свою очередь приобрел у Зинаиды Михайловны Жуковой... И все! Больше никого нет. Получается, эта машине ее. Она первая хозяйка. И эта штуковина принадлежит ей. Резинка еще такая. От волос. Ну, точно...

Я набрался смелости и решился открыть это тайное послание из глубины веков. Потянул за резинку, и она тут же лопнула. От старости. Понятное дело.

– Может, там оберег какой? С женщины станется! Запихнуть чего-нибудь этакое под руль... Иконка, может, или хрень какая цыганская... Только бы сглаз на себя не накликать... А то превращусь тут в мумию.

Надо признаться, со всеми событиями последних двух дней я стал очень суеверный. А эти разговоры вслух все ж таки добавляли уверенности. Как в детстве. Когда идешь в туалет через темный коридор, начинаешь орать песню. Чем очень пугаешь домочадцев. И тебе все равно достается. Что не может не радовать, уже от своих, а не от нечисти, которая ржет над тобой из темных углов... Так! К делу! Аккуратно двумя пальцами разворачиваю находку...

– Вот те раз! Долли, етишькин блин! Чего это?

На тетрадном развороте лежал скрученный целлофановый пакет. Сквозь него просвечивал еще один бумажный сверток.

– Матрешка какая-то... Шутка что ли? А в том пакетике еще один кулечек, а в следующем еще... А в конце дохлый

таракан...

Помяв пальцами оболочку, я почувствовал нечто твердое, неопределенной формы. Я потряс пакетик за уголок. Из полиэтиленового мешочка на сидушку упал разлинованный клочок бумаги, а из него выпали две серьги. Или сережки... Я уж не знаю, как там правильно называются эти побрякушки... На вид золото с камушками. А там ювелир его знает.

– Значит, все-таки бабские замуты! Только чего она их прятала? От мужа небось! Ну, конечно! Любовник подарил, а она в руль заныкала... Вот дела... Надо будет найти Зинаиду Михайловну и отдать ей украшения эти... Если она вообще жива. А может, в них и ценности-то никакой и нет... Не драгоценность, а как это... бижутерия. Цыгане в электричках таким торгуют. Точно!

Серьги весело поблескивали на солнце, раскидывая разноцветные зайчики по потолку машины. Как в детстве под куполом цирка во время парада-алле! У меня даже на душе стало светлее и радостнее. Вот сейчас из-под капота выскочат воздушные гимнасты, клоун залезет на задний диван и пойдут вокруг слоны, тигры и верблюды. Особенно верблюды! Так мне захотелось... И пойдет этот Виктор Николаевич! Под фанфары, куда подальше. Не вернусь я в офис. Вот чего!

– Скажу, что поехал ремонтировать сигналку. Надо завернуть это роскошество в обратном порядке...

Я взял листок, из которого выпали сережки, чтобы разглядеть его на коленке... Но заметил на обратной стороне надписи. Перевернул. И, не при Долли будет сказано, обомлел.

– Список имен:

Лиза

Нина

Лена

Наташа

Вика

Марина

Оля

Катя

И напротив каждой телефонный номер, а то и два, один из которых межгород. В старом еще формате. Что же это получается, Зинаида свет наша Михайловна? Не простая вы у нас! Загадочная... Нет, оно, конечно, всякое может быть. Любовь дело такое. Никаких преград. Но вот почерк... уж больно грубоват. Даже хамский. Размашистый и неровный. Женщины так не пишут. И потом, нелепо все получается. Зачем это женщине прятать серьги в машине, завернув в бумажку с телефонами других женщин? Шпионка она что ли? А значит, шерше ля мужчину. Сдается мне, до Зинаиды машина принадлежала некоему товарищу. Заслуженному Дон Жуану Советского Союза. И тогда все сходится.

Тут внизу еще дата приписана: 25 марта.

И в кружок обведена красным карандашом. День рожде-

ния? День знакомства? День первого свидания? Поцелуя? Секса? День прощания? Какие еще бывают дни?.. Воображения не хватает! Или знания жизни! Будем считать так: в это время произошло нечто знаменательное, требующее подарка! Значит, серьги эти предназначались одной из дам. Только вот вручить он не успел. Возлюбленной своей. Возникает вопрос, почему? Передумал? Расстались? Может... умер? Как бы то ни было, и то, и другое, и третье – только гипотеза. Надо проверить все варианты! Да, Долли? Молчишь? А чего ты скажешь? Ты же свидетель! Да? Даже соучастник! Кто тут сидел на этих местах? А? Кто тут кого за колени хватал? Могла бы говорить, я думаю, много чего нарасказала! Недаром Григорий сказал, что с норовом ты. Повидала на своем веку, я думаю, всякого Якова! И тАкого, и сЯкого! Надо бы найти Зинаиду Михайловну и поспрашивать. У кого она машину приобрела? А заодно и про серьги намекнуть. А вдруг все просто, и серьги ее... Тут и сказочке конец, а кто слушал, тот... не спал.

Я свернул бижутерию в бумагу, положил в пакет и спрятал во внутренний карман пиджака. Посмотрел на здание фирмы, и энтузиазма резко поубавилось. Вспомнился мне весь мой публичный позор с занесением прямиком в личное пространство моей души. И стало мне тоскливо. «Кого я собрался искать?» – спросил я себя и тут же ответил:

– Конечно, это все не сейчас... и не завтра, а как-нибудь потом!

В салоне автомобиля потемнело. Тяжелые тучи ползли по стеклу офисного центра, нагоняя чувство отчаяния.

– Мне бы с собой разобраться... С жизнью своей! Я даже не знаю, где спать буду сегодня. Чего я чужие ребусы собрался решать? Тоже мне, Пинкертон хренов! Сыщик! Свою жизнь устрой, а потом в чужих разбирайся!

Погода резко изменилась. Похоже было, что опять ливнет. И не слабо так! Надо уезжать с этой парковки. И чем скорее, тем лучше. Совершенно не важно, куда. Лишь бы с глаз долой. Пока не застучал шеф. А то торчу тут со своей кралей цвета слоновой кости. Как бородавка на носу. Хорошо, что окна нашего офиса выходят на другую сторону. Как бы я потом боссу объяснял? Стоял, стоял, а потом свалил! Нифига се выступил, да?

– Да? Долли! Нормально? Поедем, красотка... поедим! А цацки-сережки эти – баловство все! Блажь! Оно мне надо? Искать неизвестно кого, неизвестно где и неизвестно для чего. С чего я добрый такой, а? Никому не нужный! Отовсюду изгнанный!

И так мне жалко стало себя. Так обидно! До дрожи в коленках! До ломоты в скулах. До скрипа в зубах!

– Я никому не нужен, – закричал я, – и мне нет ни до кого никакого дела! Вообще! Нахрен всех! Слышите? Вот так вот! Мне и одному хорошо! Просто замечательно!

Огненный шар злости и горечи ударил в затылок. Внезапно. Нечаянно-нежданно. Словно всколыхнуло бочонок

с прокисшей брагой. Вспенилось внутри. И вырвалась вся горечь переживаний наружу. Только бы не сорваться в истерику опять. Что я, как малолетка. Институтка...

Со всей накопившейся злостью провернул я ключ в стартере, ожидая такого же мощного отклика от подруги моей... Но в ответ под капотом раздался хрип и все стихло. Далекий раскат грома отозвался эхом.

– Это еще что? Долли? Что за дела? Что ты этим хочешь сказать?

Я повернул ключ еще раз. И еще. И еще сотни раз. Я уговаривал ее. Упрашивал. Кричал! Угрожал, что сломаю! Продам! Сдам на металлолом! Но ответ был один! Тишина! Машина не желала заводиться. Она была глуха ко всем моим уговорам. Мои действия не находили в ней отклика.

– Даже ты от меня отвернулась! Предала меня! Ну, и идите в пень! Пусть тебя эвакуируют на штрафстоянку. Пусть всех туда эвакуируют!

Я вышел из машины. Хлопнул дверью. И двинул в сторону метро.

– Блин! Дверь не закрыл!

Пришлось вернуться. Вставил ключ в замок... И поймал себя на нецелесообразности этого действия. Если я собирался наплевать на эту железяку, то какой смысл ее закрывать?

– Да пошло оно все!

Я дернул ключ из замка... но он застрял. Бросить? Но он висел на связке с другими ключами. От квартиры. От ящи-

ка стола. От почтового ящика. От... От... От черт-те знает, чего еще... Половина от забытых замков. Куча ключей. Толпа. На одном маленьком колечке уместилось все, что я мог закрыть от других. Все, что касалось исключительно меня и принадлежало только мне. Вся моя личная жизнь. Все мои сокровенные тайны. Собранные годами. И вот теперь надо разъединить их. Разорвать этот заколдованный круг. Ничего острого под руками не оказалось. Ногти обламывались. Сталь не поддавалась. С каким трудом я нанизывал их на эту хромированную спираль. А теперь еще большего труда стоило разомкнуть ее.

– Так! Стоп! Что я делаю? Зачем мне все это?

Я словно отрезвел! Вся эта суета, все эти телодвижения, метания из стороны в сторону, все это – панические барахтания утопающего в собственной никчемности. Ведь эти ключи все что болтаются в одной связке. Они все мне теперь не нужны. Любой из них приведет к двери, доступ к которой мне теперь закрыт. Или уже не нужен. Так ради чего я обдираю тут свои пальцы? Все, что я делаю – пустая суета. Пустая и бестолковая.

– Прощай, Долли! Прощайте все!

Я двинулся в сторону метро. Но это я так придумал. Природа распорядилась по-своему.

– Дождь! Мать твою! Дождь!!!

Ливень утопил все мои планы. Он хлынул с такой силой, что я тут же промок и инстинктивно запрыгнул обратно

в машину. Через секунду по капоту прыгали градины размером с горох. Они колотили по крыше. По лобовому стеклу. Они злобно скакали по асфальту. Они стучались ко мне. Давая понять, что будь они размером с яйцо, разговор был бы совсем другой. И последствия этой беседы были бы не такие радужные. И никакая крыша меня бы не спасла. Я уже представлял себя засыпанным гигантскими ледяными снежками...

Звонок отвлек от мрачных мыслей. В карманах кроме сырости ничего не было. Да и звук шел явно не из пиджака. Телефон звонил под сидишкой. Неверно, выпал, когда я за свертком нырнул под руль. Нашулав мобильник, я достал его, жалобно взывающего о помощи. Милена улыбалась с экрана. Я не стал раздумывать. Я схватился за соломинку.

– Да, Милена!

– Привет! – как ни в чем не бывало.

– Привет...

– Как дела? – слышно было, как она улыбается. Как будто знает все о моих злоключениях.

– Паршиво! – я и не стал ничего сочинять. Сказал, как чувствовал. Всего пару секунд под дождем, но я отсырел и окончательно расклеился. Притворяться, что у меня все хорошо, не было никакого резона. Могу я наконец сказать то, что ощущаю на самом деле.

– Почему паршиво? – спросила Милена.

– Потому что я промок! Потому что меня почти уволили

с работы! Потому что машина не заводится! Потому что надо мной смеялись! А еще я не выспался и у меня мятый костюм... А еще...

Милена молчала. Град колотил все сильнее. Мне было совсем мокро на душе.

– А еще потому, что ты меня выгнала из дома...

– А ты переживаешь? Мне показалось, что ты так легко ушел...

– Я не знал, что сказать... Я никогда не знаю, что сказать... Мне нужны годы на раздумье. Ты же знаешь... Я люблю тебя.

– Я знаю... – тихо сказала она и опять замолчала.

Я уперся лбом в гладкий пластик руля и закрыл глаза. Это было ожидание. Великое вселенское ожидание того, что должно неминуемо свершиться. И я не хотел, чтобы это зависело от меня. Вернее, хотел. Всегда хотел принимать решения сам... Но боялся взять на себя ответственность. А если это и происходило в результате вековых мучительных раздумий, то приводило это сами видите к чему. Поэтому я ждал. Ждал и слушал, как град стучит мне по голове. Как дятел в темя. Ждал и грыз обломанный о стальное кольцо ноготь.

– Чем ты там щелкаешь? – спросила жена.

– Ничем! – соврал я. – Это град...

– И долго ты там собираешься сидеть?

– Пока дождь не закончится...

– А потом?

Я пожал плечами, как будто Милена могла это увидеть.

– Приезжай домой! – вдруг сказала она.

Она приняла решение. Она взяла ответственность. Опять она... А вы знаете, что? Я вам скажу сейчас! Если бы я это предложил первый, неизвестно, как бы она отреагировала. Это я вам точно говорю. Не уверен, что она сказала бы: «Конечно, приезжай, дорогой!» Совсем я в этом не уверен.

– Приезжать?

– Приезжай! Гони от себя мрачные мысли и приезжай!

– А как же машина?

– Вызови такси... Куда ты мокрый в метро поедешь?

– Я приеду!

– Вот и хорошо! Заодно и решим, что с твоей машиной делать.

И она дала отбой.

– Вот так вот, Долли! Зря, наверно, я пургу всю эту гнал. «Не нужен я никому. И все идите...» Все-таки нужен... и ты нужна... Буду уговаривать жену...

Я так и сидел, уткнувшись головой в баранку. И не заметил, в какой момент гроза прошла и выглянуло солнце. Сразу столько всего хорошего привалило.

– Прямо как в сказке. И просох вроде. Поеду на метро...

Приняв такое ответственное решение, я вышел из машины. Надо было договориться с охраной, чтобы не эвакуировали автомобиль. Скажу, как есть, не заводится, мол, и ключи застряли. Хлопнул дверью и пошел. И вдруг услы-

шал за спиной звук падения металлического предмета на асфальт. Я обернулся. Связка ключей лежала в луже вперемешку с ледяными горошинами, поблескивая на солнце.

Естественно! Все мои нервные попытки вынуть ключ из замка изначально были обречены на провал ввиду панического состояния. Тут и к гадалке ходить не надо. Я вернулся к машине, похрустывая льдинками, и поднял ключи.

Крамольная мысль закралась в мою просветленную голову. А вдруг!

Я сел в салон своей мечты цвета слоновой кости. Шмыгнул пару раз носом. Не знаю, для чего, подул теплым воздухом на ключи и, посмотрев в зеркало заднего вида, пригладил влажные волосы. Кажется, все было готово.

– Ну, Долли!

Поворот ключа в стартере и... Чего я вам буду говорить? Она, конечно, завелась. Спокойно и непринужденно. Понятное дело! Просто аккумулятору нужно было отстояться. А может, опять энергии из атмосферы потянула... Как в тот день, когда ее молнией жахнуло.

– Ну, что же, дорогуша! Решила меня домой отвезти? Как будто этого и ждала...

Я включил фары. Я проверил дворники. Я рискнул включить радио...

...Fever...

Запел Элвис Пресли, щелкая пальцами.

...When you hold me tight...

Чудеса продолжались!

...Fever in the morning... щелкают пальцы Элвиса

Радуга отразилась в мокром асфальте. И я поехал по ней.

...Fever all through the night...

Я сделал круг почета по паркингу. Подъехал к будке охра-

ны.

...Sun lights up the daytime

Moon lights up the night...

Охрана подняла шлагбаум бесплатно, сжалившись над

моими мучениями.

...I light up when you call my name...

Долли понесла меня домой на крыльях любви. А у авто-

мобиля их аж четыре, между прочим. Два передних и два задних. Левые и правые. Так что мы полетели!

...And you know I'm gonna treat you right...

...И ты знаешь, я буду обращаться с тобой правильно!

Пел Элвис Пресли.

39 часов. 270 километров

По дороге нас еще пару раз настигал дождь. Или это я гонялся за ним, объезжая пробки. Но, несмотря на это, чувствовал я себя почти что прекрасно. Почему почти что? Видите ли, для полноты счастья мне не хватало кофе! Свежесваренного из только что смолотой душистой арабики. С щепоткой корицы. Почему я не купил себе этого удовольствия по дороге? Да потому что это было бы кощунством и профанацией. Предательством по отношению к напитку. Никогда не знаешь, чего тебе там нальют. В какой-то там стаканчик, слепленный из вторсырья. Чтобы перекусить, перехватить, отвлечься на бегу, я согласен, можно пожертвовать некоторыми нюансами! Но для того, чтобы действительно получить неземное наслаждение, я должен сделать все сам. Смолоть, сварить и налить! А тут, в своей собственной машине, окруженный со всех стороны теплом и заботой, я буду пить непонятное пойло из бумажной емкости? Да ни за какие сокровища кофейных махараджей! А заехать в кафе, спросите вы? А какая разница, отвечу я вам! В том, что кофе вам подадут в стеклянной чашке? А вы уверены, что они не налили туда воды из-под крана? Что там стопроцентная арабика? Что это корица, а не ароматизатор? И еще сотни тысяч вопросов! И вы же еще заплатите за то, что над вами посмеялся самозванец, мнящий себя бариста. Нет уж, увольте! К тому же по-

сле таких походов у меня зачастую начинается изжога! Скорее всего, от нервного расстройства! Потому что от домашнего кофе у меня изжоги нет! Надурили и денег взяли! Шарлатаны, вот кто они такие! От этого и изжога.

И чем больше я об этом думал, тем сильнее мне хотелось своего собственного кофе! С корицей! Я был окружен комфортом и чувствовал себя в полной безопасности под присмотром моей заботливой красавицы цвета слоновой кости. Не хватало для полноты счастья только черного, горячего, ароматного напитка из зерен средней обжарки мелкого помола!

К дому мы подъехали в полной тишине. Потому как еще час назад великий Пресли допел свою песню, и радио опять погрузилось в летаргический сон. Я решил, не поднимая шума, припарковаться в дальнем углу двора и тихонько пробраться к подъезду. Но как только я закрыл на ключ дверь автомобиля, с ним тут же случился припадок. То есть с ней. С Долли! Она опять стихийно включила сигнализацию! Ора-ла так, будто ее эвакуируют! Конечно, на этот шум на балконы высыпало полдома. И Милена в том числе! Я бегал вокруг машины, хлопая дверьми, дергая различные ручки и нажимая всевозможные кнопки. И даже открыл капот с багажником! Все было безрезультатно! А народ радостно свистел, гикал и улюлюкал! Некоторые матерились! Некоторые грозились вызвать пожарную службу, МЧС и психушку. Супруга снисходительно смотрела сверху, сложив руки на груди.

И только дядя Коля, хозяин старенького «Опеля», вышел ко мне с гаечным ключом.

– Надо клеммы сбросить!

– Клеммы? – переспросил я, утирая пот со лба.

– С аккумулятора! – и полез под капот.

Через секунду разом затихло все. Машина, соседи и собаки соседей.

– Влага попала, видать, – сказал дядя Коля, – замыкает.

– Днем уже такое было сегодня...

– Значит, точно! Надо смотреть...

– Если бы я знал, как... – это был тонкий намек с моей стороны.

– Угу, – ответил сосед и пошел обратно в подъезд, дав понять, что этим он заниматься не будет.

Ну, и на том спасибо!

Я посмотрел вверх. Соседи уже все скрылись, и только Милена продолжала наблюдать за нами с «Волгой». Я как можно непринужденнее помахал ей рукой, закрыл двери, хлопнул капот и багажник и направился домой.

Различных мыслей в моей голове было множество. С чего начать? Как поздороваться? Как войти? Сказать ли сразу: «Любимая»? Или сначала попросить прощения? Упасть на колени? Или войти как ни в чем не бывало? Спросить, как ее здоровье? Как она спала? Или сказать, как прекрасно она выглядит? Поставить перед фактом, что машину мы продавать не будем? Или спросить, не надо ли выбросить мусор

и сходить за хлебом?

Все это копошилось в моей черепушке, как клубок змей. Но я не знал, за чей хвост мне ухватиться, поэтому, когда доехал до своего этажа и подошел к двери, они все разбежались кто куда. Я предстал перед женой как чистый лист. Только немного отсыревший.

– Ты же весь мокрый! – вскрикнула она своим шепотом тут же, как только увидела меня. – Быстро снимай одежду!

Вот так, собственно, чего бы я там себе ни надумывал и ни планировал, все решалось сразу и без моего участия. Отчего всякий раз становилось пусто внутри. Но ненадолго. Это чувство зрителя своей жизни быстро улетучивалось, и я брал на себя роль прилежного статиста. Вы знаете, что такое статист? Попросту говоря, массовка. Бессловесная и покорная. Вот такой был и я. И философски размышлял об этом в тот момент, когда моя жена снимала с меня мокрые брюки.

Я стоял перед ней в одних трусах, прямо в прихожей. Она сидела на корточках и подняла на меня вопросительные глаза. Я понял, что она хотела спросить. Все же я не просто массовка, я статист с задатками интеллекта.

– Сам сниму, – сказал и гордый своей находчивостью схватился за боксеры.

– Может, в ванной это сделаешь?

– Ну, да! Конечно! Спасибо!

– И сразу в душ, греться! Простуды твоей мне еще не хватало.

Я шел в душ и думал, почему моей простуды ей еще не хватало. Почему она сказала «мне еще не хватало»? Почему не «тебе еще не хватало»? Ведь простуда-то моя! Моя простуда! Она моя! А вот так вышло, что все было ее! И я! И моя простуда! И моя натура. Вся, какая есть. И наша общая жизнь была ее, безраздельной. И она тащила этот груз, как бурлаки баржу на Волге. Только там их одиннадцать, а тут она одна. А баржа – это все, что ее окружает, включая меня, и все, что она с этим делает. И, знаете, я к этому уже привык... За те два года, что мы живем счастливой семейной жизнью. И вообще за все время, что знакомы. Так случилось, что она взяла надо мной шефство с первого курса. А история с покупкой автомобиля... Это вообще как будто не я... Это не я, а кто-то другой во мне... Совершенно незнакомая, одиозная личность. Внутренний диссидент-диверсант. Прокказник, от которого одни неприятности.

С этими мыслями я залез в ванную, закрылся шторкой и включил воду. Слышал, как Милена вошла следом и открыла дверцу стиральной машинки.

– Где ты так намок?

– В душе... – ответил я и тут же понял, что ступил. – Под дождем...

– Сильный, наверно, был дождь, если ты не просох, пока ехал.

– Ага, с градом!

– Странно! А у нас весь день солнце...

Я стоял под теплой водой и ощущал каждую струйку озябшим телом. Глаза закрылись сами собой. Я уперся в стенку руками, чтобы не потерять равновесия, и улетел. Вот так! Отогрелся, превратился в облако и отправился парить над своими переживаниями. Легкий и свободный. Мне не нужно ничего. Абсолютно! Зачем облаку что-то? Какие-то вещи... Машины... Работа... Жены... Разве только маленькая чашечка кофе.

Я почувствовал, как улыбка растягивает мои губы. И от этого я стал еще более облачным...

– Ты чему улыбаешься?

Я врезался в ледяную реальность, как «Титаник» в айсберг. Открыл глаза. Вода тут же заставила меня поморщиться и согнать ее руками.

– Что? – облако медленно превращалось в меня.

– Я говорю с тобой, а ты не отвечаешь. Заглянула, а ты улыбаешься. Чему?

Я, конечно, мог сказать, что я облако, но в сочетании с покупкой машины, уходом из дома, скандалом на работе Милена точно бы вызвала неотложку.

– Согрелся... непроизвольно улыбнулся...

– Вот! Вот! Непроизвольность – это твое второе имя... – пошутила жена.

– Скорее всего. А что ты говорила?

– Я говорила, с машиной надо решать! Ездила сегодня примерять шубу. Она такая красивая. Я буду в ней как коро-

лева! Ты же хочешь, чтобы я была как королева? – Милена стояла с пиджаком в руке и мяла его, словно это и была шуба.

– Конечно, хочу!

– Это правильный ответ! – жена улыбнулась. – И я договорилась, чтобы шубу придержали недельку. А за это время мы придумаем, как быть. Если не получится машину сразу продать, можно будет оставить ее под залог. Так можно. Я узнавала.

– Под залог, – отозвался я эхом.

Вот сейчас бы выскочить этому паршивцу, который затаился внутри меня, да как закричать: «Машина не продается!!! И простуда – моя! И сам я – свой! Собственный! И семья – это мы! Нас двое! И я тоже хочу принимать участие в жизни нашей ячейки общества!»

Но он молчал, быть может, наблюдая из-за угла, ковыряя обкусанными ногтями кирпичную стенку и сдерживал слезы, которые его душат. А может, злорадно стоял посреди площади и хохотал надо мной, под стать моим сослуживцам... Как бы то ни было, он отсутствовал, а я стоял под душем такой, какой есть. В полном одиночестве. Лицом к лицу со своей любимой супругой.

– А это чего такое? – Милена достала из внутреннего кармана целлофановый пакет.

– Это?

– Да! Вот это!

– Серьги...

– Какие серьги?

– Ну, такие... Серьги... Сережки... Для ушей.

– Я знаю, что они для ушей. Откуда они у тебя?

– Я их нашел...

– Как нашел? Вот в таком виде? – она ткнула их почти мне в лицо. – Ты совсем заврался! Я так и думала, что у тебя появился женщина! Завел себе любовницу! Потерял голову! Швыряешь деньги налево и направо! Машины покупаешь! – ее голос становился все тише и тише, а это означало галактическую катастрофу. Будь мы на кухне, в меня бы уже летели сервизы и сковородки. – Ночами домой не приходишь! Спишь у нее. А еще улыбаешься в душе! И меня не слушаешь! Шубу не покупаешь...

Я не знал, что делать с этим потоком обвинений. Крики в ответ ни к чему бы не привели. Я уже пробовал. Раньше. И тут моя рука, сама по себе, отдельно от меня, схватила душевую лейку и направила ее в сторону кричащей супруги. Милена бросила пиджак и замахала руками, отбиваясь от струй воды. А я продолжал обливаться, приговаривая при этом:

– У меня нет любовницы. У меня нет любовницы! Слышишь! Я люблю только одну тебя!

Теперь она была мокрая, как и я. Только в одежде. Но зато молчаливая и шмыгающая носом. Я выключил воду.

– Залезай ко мне. Надо одежду снять.

Она покорно залезла. Отстранила меня и переключила

рычажок с душа на кран. Пустила воду и заткнула пробку так, словно поставила точку над всеми «і». Сняла с себя одежду. Бросила на пол и уселась на дно нашей одноместной ванны. Согретое, между прочим, мною. Я сел напротив.

– Рассказывай! – спокойно произнесла Милена- Прекрасная.

Это было ее прозвище в институте. Нет, она не была первой красавицей. Отнюдь. Но в ней было нечто такое, чего не найдешь в девушках с обложки журналов. Черти в глазах. Отчего все парни сходили по ней с ума. Тем более, для многих осталось секретом, почему она выбрала именно мою невнятную персону в качестве супруга. Собственно, этот секрет волновал и меня самого! И волнует до сих пор! Особенно сейчас, когда она сидит передо мной, согнув одну ногу в колене, а другую вытянув по бортику. Ее руки лежат на краях ванны. Голова вопросительно склонена на бок. Два любопытных розовых соска смотрят на меня в упор, медленно поднимаясь и опускаясь с каждым вздохом. Дыхание ее размеренно. Я же скромно скукожился в углу и смотрю исподлобья, искоса на всю эту красоту. Вот и все, что можно сказать обо мне.

Мне не оставалось ничего другого... Точнее, не так! Я не придумал ничего другого... Даже не так! Я ничего другого не выбрал, как начать разговаривать! Вместо того, чтобы напасть, как соблазненный муж, дикий зверь, неудержимый самец... Да хоть как угодно! И сгрести в объятия свою женщи-

ну... Я завел разговор... Рассказ... Почему? Да потому что, хотите верьте, хотите нет, я робел и терялся перед собственной супругой всякий раз, когда видел ее обнаженной. И это спустя пять лет регулярной, полноценной жизни, которую моя супруга превращала в феерию. Приготовление неожиданных блюд в прямом и переносном смысле было смыслом ее жизни. Так она себя развлекала, придавая особый шарм нашим отношениям. А я к этому никак не привыкну.

Вот и сижу я, значит, поджав коленки, потупив свои ясны очи, и рассказываю:

– Я проснулся в хостеле. Не позавтракал. Поехал на работу. Опоздал на два часа. Поднимаюсь на лифте и нарываюсь на шефа. Он тут же при всех сделал из меня котлету. И напомнил про отчет, который я до сих пор ему не сдал. А еще сказал, чтобы я благодарил Натана Семеновича, что меня еще не уволили. Представляешь? И это при всех. И Натан тут же стоял... Так обидно стало...

Я осмелился поднять голову и посмотреть в глаза супруги, рассчитывая на поддержку, взгляд мой тормознулся на треугольничке легкого рыжего пуха, который уже накрыло водой. Мой дыхание сделало синкопу, что не могло остаться незамеченным для Милены.

– Подай мне, пожалуйста пены для ванной! – проговорила она с улыбкой Мадонны. Микеланджело, конечно.

Я протянул ей флакон, и она тут же вылила приличную порцию тягучей жидкости в воду, побултыхав согнутой но-

гой. Пена тут же скрыла все заинтересовавшие меня подробности супружнинного тела. Запах иланг-иланг наполнил помещение. Ударил в голову и запустил фантазию в турборежим. Говорить, а тем более соображать, стало еще труднее.

– Продолжай! – сказал Милена нежно. – Рассказывай! – уточнила тут же.

– Да... Так вот! Чего я говорил...

– Обидно стало...

– Обидно? Да... Обидно... И шеф ушел. Я пошел на свое рабочее место. Тут подходит Натан и говорит: «Расскажи про машину». Я спрашиваю: «А ты откуда узнал?» А он говорит: «Видел, как ты выходил из нее!» А мне подумалось, что как-то это странно. Как он меня мог увидеть и откуда? Вообще Натан иногда себя очень необычно ведет. В институте он таким не был. Как будто знает то, чего я не знаю. Вот твоя женская интуиция тебе ничего не подсказывает?

– Моя женская интуиция подсказывает, что если, милый, ты не закончишь свой рассказ в ближайшем будущем, то мы или раскиснем тут, или я справлюсь сама, не дождавшись помощи. Так что поспеши.

Одна рука Милены принялась поглаживать коленку, возвышающуюся над пеной, а вторая скользнула вдоль бедра под воду. Я затараторил как можно быстрее, опуская все подробности.

– Ну, вот! Я стал рассказывать про машину. Все стали смеяться. И тут опять пришел шеф. И сказал, что машина орет

внизу и что ему сказали, машина сотрудника нашей компании. И все указали на меня. Он опять разорался и отправил меня вниз. А еще сказал привести свой костюм в порядок. Так обидно было... А Натан при этом улыбался. Представляешь?

– Ага... – сказала Милена, прикрыв глаза, и еще немного погрузилась под воду. Ее груди скрылись под слоем пены. Зашумел слив воды. – Закрой, пожалуйста, воду. А то соседей затопим.

Естественно, с кранами надлежало разобраться мне, ведь ее руки были заняты. Я, насколько мог осторожно и максимально скрывая свое возбуждение под водой, подобрался на расстояние вытянутой руки и закрыл воду.

– Всё! – проговорил я отчего-то шепотом.

– Что всё?

– Закрыл...

– А про серьги?

– Про серьги... Да! Серьги. – Я вернулся в свой угол. – В машине разнервничался, стал бить по рулю, а из-под него выпал этот сверток. Раскрыл его и нашел серьги и записку с телефонами женщин. Представляешь?

Уровень тестостерона в моей крови явно зашкаливал. Потому что я набрался смелости и пошел, точнее, поплыл на штурм моей супруги, преодолевая тонны пены. Но тут Милена тихонько всхлипнула, вздохнула и открыла глаза.

– Все?

– Да... – прервал я свое плавание. – Все!

– Хорошо... – неопределенно произнесла супруга. – Я тоже все! Ну, ты тут заканчивай, а я на кухню.

Она резво встала, обдав меня брызгами и устроив небольшой цунами. Вода скользила по ее разгоряченному телу, не оставляя следа. Милена откинула волосы и, как Венера, вышла из пены, обмотавшись полотенцем.

Я был возбужден до предела. Можно даже сказать, раскален добела. Еще чуть-чуть, и вода начала бы кипеть вокруг меня... Понимаю, что это я перегнул, но ощущение было именно такое. А она вышла из ванной как с гуся вода, оставив меня одного. Таким образом наказав меня. И поделом мне.

– Кофе будешь? – донеслось с кухни.

– Да... – ответил я и тоже вылез из воды.

На кухне супруга сидела за столом в своей любимой позе, угнездившись на табурете, и в своем розовом костюме. В руках она сосредоточено крутила серьги. Внимательно рассматривая их со всех сторон. И была очень озадачена. В очередной раз посмотрев сквозь них на окно, она произнесла.

– Эти сережки, как ты говоришь, стоят целое состояние. Уж дороже твоей машины, точно!

– Ты серьезно? – честно говоря, я был не сказать, чтобы огорошен, но уж точно ошарашен. Тут же вспомнился град, который колотил сегодня днем по крыше автомобиля. Сейчас он колотил мне по голове. – Так дорого?

– Если бы ты хоть что-то в этом понимал, не стоял бы сейчас тут как истукан, а танцевал лезгинку!

– Лезгинку?

– Ну, или полонез! Тебе что больше по душе?

– Танго... – сказал я, медленно приходя в себя в ритме вальса.

– Танго, значит, танго... – задумчиво произнесла Милена. – И что мы будем теперь с ними делать?

Еще пять минут назад она была одна, а теперь опять стали мы. Я никогда не попевал за порывами ее чувств. Ее штормило, но при этом она всегда прекрасно себя чувствовала. Я же постоянно искал спасательный круг или трос, за который моряки держатся во время бури.

– Надо вернуть их! Так мне думается... – я словно шарил руками в потемках, за что бы ухватиться.

– Тебе думается... Хорошо! Кому? Кому ты их будешь возвращать?

Сейчас этим штормовым леером была для меня записка с телефонами и именами.

– Хозяину... Хозяйке... Или тому... той, для кого они предназначались...

– Ты сам разве не слышишь, как это глупо звучит? «Тому... той... Кому они предназначались». Да, люди будут ржать над тобой. Будут смеяться тебе в лицо, а ты будешь тратить свое время и силы на неоправданные поиски! Я же знаю тебя! Ты уйдешь в это с головой, а в результате набьешь

себе шишек, разочаруешься в жизни и приползешь домой, как побитый кутенок. А я буду тебя выхаживать. Ведь так бывает всегда. Все твои увлечения обращаются мировой катастрофой. А это именно увлечение. Забава. Ты воображаешь себя рыцарем на белом коне. И будешь доказывать людям, какой ты правильный и бескорыстный. А сам останешься в дураках. Тебе только Санча Пансы не хватает. Нет, я не против честности и бескорыстия, но был бы в этом хоть какой-то толк!

Я понимал, какой трудный выбор стоял перед Миленой. Прикарманить чужое добро, о чем никто не будет знать, кроме меня. Или благородно отказаться от свалившегося счастья и кинуться на поиски чужих и совершенно неизвестных людей.

Она сказала: «что мы будем делать»! А значит, не хотела брать на себя ответственность за последствия единоличного решения. Ей необходимо было знать мою точку зрения. Она же не могла упасть в грязь лицом передо мной, своим единственным мужем. Я все-таки не чужой для нее человек. Иначе ей пришлось бы убрать меня как свидетеля. А я такой мысли даже допустить не мог. Я видел, как ей хотелось оставить эти побрякушки. И единственный выход для нее – склонить меня на свою сторону. Воззвать к моему разуму. К моей совести, в конце концов. Что Милена и попыталась сделать.

– Какому хозяину ты собираешься возвращать? Может,

уже умерли все?

– А если не все?

Я даже мысли не мог допустить прибрать к рукам чужую вещь! Я обязан сделать все, что в моих силах, чтобы вернуть серьги тому, кому они должны принадлежать по праву. И обсуждать тут нечего. Тем более если они стоят «целое состояние».

И это не показная честность или сказочное благородство. Это простая уверенность в своей правоте. Как необходимость дышать. И разве могло быть иначе? Я не знал, почему в моей голове все сложилось именно так. Хотя осознавал наличие других мнений. Точнее, одного другого. Того, на которое намекала моя супруга. Того пути, на который она пыталась меня вывести. На эту кривую дорожку, на которую мой внутренний диссидент не хотел становиться. Да! Это был именно он! Упертый баран, для которого не существовало чужого мнения.

Но отказать Милене прямо сейчас, в лицо, я не мог. На это у меня не хватало духа. Нужна была пауза. Мне, по крайней мере. Потому как Милена для себя все решила.

– Ты ужинать будешь? – задумчиво произнесла Милена, рассматривая записку с именами.

Мысль о том, что я стою у нее на пути и она меня ночью прирежет, опять сверкнула в голове, как отражение новогодней мишуры. Что, естественно, меня развеселило. Конечно же, это была чушь. Но смешная! И я решил поделить-

ся ею.

– Любимая, ты же не отравишь меня из-за этих серег? Правда?

– Господи, ну что ты такое городишь? Просто я хочу, чтобы ты все как следует обдумал. Не порол горячку... А то с тобой последнее время что-то странное происходит. Ты как эту машину купил, сам на себя не похож.

– И тем не менее, это все еще я.

– Вот это меня и пугает! Бог с ней, с этой шубой! Но ты только подумай, где и кого ты собираешься искать?

– Я не знаю...

– Ну, вот! Уже конкретнее! А так мы можем решить некоторые наши проблемы!

Ее натиск усиливался. А я запаниковал. Я испугался, что могу сдать. Что не выдержу еще одной атаки. Уверенность оставляла меня. Еще пару минут назад я был как скала. Но что стало теперь? Я смотрел в глаза моей любимой, и все мои принципы превращались в желеобразную массу. Она умоляюще глядела на меня, как ребенок, у которого злой дядя отбирает игрушку.

Да! Она была права во всем. Я вечно остаюсь в дураках. Я даю деньги в долг, а люди после этого исчезают навсегда. Я принимаю участие в социальных инициативах, а это оказывается финансовой аферой. А помогаю делать проекты, а сам не успеваю сдать собственные отчеты. Я посвящаю себя дружбе, а люди просто пользуются мной, чтобы решить

свои проблемы. И всякий раз мои любимые вытаскивают меня за уши из этой бодяги и приводят в чувства. Сначала это была мама. А потом Милена. С первого курса.

И вот я смотрю на нее в ожидании, что кто-нибудь бросит белое полотенце на ринг. Нам надо срочно разойтись по разным углам. Я отступаю к канатам.

– Кофе... Я же хотел кофе...

– Не увиливай!

– Я нисколько не увиливаю... Налью кофе, и мы продолжим разговор. Ты, кстати, будешь?

Должно что-то случиться. Просто обязано произойти нечто из ряда вон, дабы сбить дыхание моей супруге. Или хотя бы спасительный удар в гонг. Я уже привык за последнее время, что судьба неожиданно открывает пожарный выход. Но сейчас... Чудо требовалось как никогда. Но его не было. Ни града. Ни сигнализации. Ни эвакуации. Ничего. Почему Долли не истерит? Она согласна с моей супругой? О, женщины! Вам сговориться, что яблоко откусить. И тут меня накрыло, я же сам сбросил клеммы с аккумулятора. Как я мог. Сейчас бы машина наверняка орала на весь двор.

– О чем ты задумался?

– А том, что я обесточил автомобиль!

– И что?

– Его могут украсть!

– Кому он нужен?

– А вдруг? Нужно вернуть клеммы на место!

– Успеешь! Договорим, выпьешь кофе и вернешь свои клеммы на место!

Я скрежетнул зубами. Попытка была, но явно не в ту сторону. Душевные силы покидали меня. Я барахтался, как мог, готовый звать на помощь.

– Кофе! Да... Кофе! – я пошел к плите.

– Мне с корицей! – сказала супруга. – Кофе с корицей поднимает настроение и приводит внутреннюю вселенную в гармонию! А сейчас это особенно необходимо!

С корицей у моей супруги сложились воистину трепетные отношения. Это была роковая связь. Корица без Милены жила прекрасно, а вот Милена без корицы не могла прожить и дня. Таинственные трактаты тибетских монахов открыли для моей супруги истину, и она оказалась в ежедневном употреблении этой пряности. В одну кучу свалили все. И психическое здоровье. И душевное равновесие. И духовное единение с природой. И нормализация физиологических процессов... А главное, просто вкусно. Но для Милены, это была панацея, которую она сама себе придумала. А наши заблуждения – это то, с чем мы труднее всего расстаемся. Так что я ее не переубеждал. И сам с удовольствием пил кофе с божественной корицей.

– И будь, пожалуйста, умничкой, милый! – продолжала говорить моя жена. – Не делай глупостей! Не принимай опрометчивых решений! Это делает меня несчастной!

– Хорошо... – сказал я, почти сдаваясь.

– Ты же не хочешь, чтобы я была несчастна?

– Нет...

– Вот и молодечик! Мой любимый!

С ее стороны это был запрещенный прием. Она знала, что я готов на все, лишь бы она была счастлива. Так было всегда... За исключением моего закидона с машиной. О котором я уже начинал жалеть. Значит, наступлю на горло своей лебединой песне и отнесу свои принципы в ломбард вместе с серьгами. Авось накинута пара рублей.

Я полез за баночкой с корицей... И, о ужас! Ее не было... Нет! О, чудо! Баночка-то была. А вот корицы в ней не было. Вот она, спасительная жилетка.

– Корица... – разочарование мое было неподдельно.

– Что с ней? – подхватила Милена.

– Она закончилась... Но утром же была...

– Вот я дырявая голова. Синнабоны сегодня готовила, всю корицу использовала. А купить забыла.

– И что же теперь делать? – я молил о чуде.

– Что делать? Что делать?.. В магазин бежать!

И чудо свершилось. Милена выносила меня из горячей избы своими собственными руками.

– Как же мы кофе без корицы пить будем? Нервные клетки свои восстанавливать и от стресса избавляться? А утром как же? Нет, это не дело. Надо идти в магазин. Ты же неставишь свою любимую пить утренний кофе без корицы?

– Конечно, нет!

– Можешь заодно и клеммы накинуть! Маньяк ты мой автомобильный!

Вот она, та пауза, о которой я так мечтал. При чем моя супруга сама же на ней и настояла.

Меня мучил один вопрос... Точнее, меня разрывало от тысячи вопросов, но один сейчас был самый животрепещущий. Как флагшток в ураган. И задать его надо как бы мимоходом. Завуалированно. Не акцентируя внимание оппонента. Как будто вскользь и невзначай... Достаточно эпитетов, кажется... Но при этом надо иметь маневр для отступления... Как эвакуационный выход в самолете или, на худой конец, дверь на лестничную площадку, через которую можно быстренько покинуть поле боя и улепетнуть на улицу. Коридор, по-моему, подходил по всем характеристикам. А если еще спрятаться за бытовым действием, то все может пройти совершенно безобидно.

Я вышел в прихожую и начал завязывать кроссовки. Хотя обычно я влезаю в них при помощи... Хотел сказать, ложечки. Но это было бы ложью. Никакой ложечки. Они старые и растянутые. Сами надеваются на ногу. Стоит только рядом встать. Вставил ступню, придавил задник, продвинул ногу глубже, другой ногой поджал, пятку поднял-опустил... И вся недолга. Три секунды... Ну, четыре. А сейчас надо было создать видимость... Туфли? Нееет! Идти в магазин в офисных кандалах? Спасибо!!! Итак! Кроссовки. Я присел на пуфик. И развязал первый...

– Милен, ты не занята?

– Нет, а что? – донеслось с кухни.

По голосу я понял, что она погрузилась в телефон.

– Просто я хотел узнать... – Я даже побряхтел для натуральности, изображая муки завязывания шнурков. – Скажи, пожалуйста, – еще побряхтел, – а эти серьги действительно дороже машины?

Звуки. Звуки. Звуки. Мир звуков. В детстве мы играли в такую игру: Догадайся, что происходит в соседней комнате, по звукам. И сейчас я превратился в слух, потому что на кухне возникла тишина. Это настораживало. И я уже готов был натянуть второй кроссовок и исполнить спринтерский забег с низкого старта. Ее телефон лег на стол. Я напряг икры. Ее ноги обулись в тапки. Я развернулся к двери.

– Может быть, и дорогие... – протянула Милена.

Идет в коридор. Но в голосе нет угрозы. Я жду, держа второй кроссовок наготове. Милена облокотилась о стену.

– А может, и нет. Это я так сказала... Образно выражаясь.

Я посвятил всего себя зашнуровыванию старой раздолбанной спортивной обуви. Я весь – одна большая шнуровальная машина. С холодеющими пальцами-хвतालцами. Старые задубевшие шнурки не понимали, что от них хотят, и не желали развязываться. Но я был настойчив. А Милена продолжала.

– Да сколько бы они не стоили. Я же знаю, во что это все аукнется. Никакими деньгами ущерб не оценишь. Выхажи-

вай потом тебя. Кто мне мои нервы вернет? Потраченные силы? Смотреть на тебя, как ты страдаешь? Да ни за какие миллионы!

Я с благодарностью взглянул на жену.

– Спасибо...

– Ну, за миллионы, это, может, я и перегнула. За миллион бы я согласилась выхаживать тебя. А вот за триста тыщ нет... А они, наверно, так и стоят. Хотя я могу ошибаться. Похоже на антик, но, может быть, и китайская подделка. Вот как кроссовки твои. Им два года, а выглядят, как будто рота солдат до тебя носила...

– Это не те! – я осмелел, потому что Милена сама сменила тему. – Эти ты мне подарила на втором курсе! Помнишь?

– Я же говорила, что это вещь! Настоящие! А те, что ты купил в прошлом году?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.